

1966

1 января

Ну вот и наступил этот день! Для меня с давних пор Новый год – самый торжественный праздник, самый естественный по своему значению. Вчера днём мы вернулись сюда на Пахру вчетвером: Зоя, Кипса, Катюша и я. Так вчетвером и встречали Новый год – при свечах с весёлостью и грустью, которые всегда неизбежны при этом.

30-го вечером пришла Рита Алигер, и после очень большого перерыва (года полтора, если не больше) мы очень хорошо встретились и поговорили... О чём? Да обо всём: о процессе Синявского, о Симонове, о Матусовских, о Евтушенко, о Белле Ахмадулиной, о Париже, о Марине Цветаевой... Но, перечислив все эти имена, я чувствую, что «тема» у нас была совсем другая, а в чём она – определить невозможно.

Я поменялся с Андреем книгами: он дал мне сборник статей и высказываний Эйнштейна, а я ему – Сэлинджера¹.

Конечно, Андрея очень не хватало за нашим столом вчера, но тут уж ничего не поделаешь. Он завятой и страстный турист, приверженец своей компании. Каждый раз в таких случаях собирается их человек десять, нагруженных тяжелейшими рюкзаками, лыжами и прочим снаряжением (на долю Андрея выпадает самая большая тяжесть, как на главного организатора) и пропадают на несколько суток где-нибудь в подмосковном лесу. Разбивают палатку, залезают в спальные мешки, разводят костёр и так далее. Очевидно, их привлекает сама первобытность, неблагоустроенность таких эскапад. И если бы время было другое, если бы Подмосковье не кишело всякого рода хулиганьём, да ещё в новогоднюю ночь, то можно было бы ни о чём не беспокоиться. Потому что сама по себе эта студенческая молодёжь необыкновенно чиста и благородна. Но каждый раз мы одинаково беспокоимся! Завтра вечером или послезавтра утром они вернутся.

8 января

У нас гостили Кипса и Катюша, и моя внучка сделалась решительно предметом моего обожания и восторга. Прежде всего, это милый, добрый, весёлый ребёнок, с которым легко иметь дело. Она не капризна, не надоедлива, не кривляется, а очень разумно и спокойно существует рядом со взрослыми. Существует – это значит радостно живёт, в напряжённом внимании к любой новизне, любознательная, всё запоминающая, ежечасно меняющаяся благодаря этому. Ей ещё нет восьми лет (через месяц исполнится), но она хорошо, бегло читает и прилично пишет.

А кроме того, она талантливый рисовальщик и при этом по первому впечатлению берётся изобразить что угодно, сходства у неё не получается, но глаз зоркий и острый. Я вклеил сюда один из её многочисленных подарков, сделанных для меня в течение этой недели. Из этой тетрадки видно, что она и стихи не прочь сочинять. Вообще, это человек во всей сложности слова. И юмор у неё необыкновенный. С осени ходит в школу, что всегда знаменует большую перемену в детской жизни, но для неё прошло как-то незаметно и если обогатило как-нибудь, то разве что некоторой развязностью.

За неделю у нас перебивали Матусовские, Вава с Колей, Фиши, Верейские, Белла, Россельс. Катюша вела себя отлично, с большим вниманием прислушивалась ко всему, явно заинтересованная, но никому и ничему не мешала.

Были также харьковские школьники и школьницы со своей учительницей в количестве десяти (устроители Лермонтовского клуба, у меня с ними двухлетняя переписка), всё это уже взрослые десятиклассники. Надо было посмотреть, с каким напряжённым вниманием, с какой радостью Катюша слушала стихи, – и лермонтовские, и собственные школьниц.

Она быстро подружилась с внуком Фишей, учила его ходить на лыжах, хотя он старше немного, наконец, заново увлеклась Беллой, которая всегда неотразимо действует на всех детей.

Сегодня они уехали, и мы с Зоей снова остались вдвоём. Меня никак не тяготит безвыездное житьё на Пахре, я ни о чём не тоскую, мне хватает книг, рисования, мысли, да и просто факта существования. Это не так много, но и немало. Кроме того, у меня выработалось (может быть, ещё в больнице) какое-то ослиное терпение. Может быть, оно основано на тайной уверенности в том, что всё когда-нибудь вернётся ко мне в полном объёме? – Может быть, не знаю.

Необыкновенное, рекордное количество новогодних писем, среди них от Тихонова, Первомайского, Каверина (с книжкой), Андроникова, Шторма, Н. Капиева. Андроников очень благожелательно и благородно отозвался о «Путях поэтов». Вообще, отзывы об этой книжке множество и все по-своему интересны, но андрониковский перекрыл всё. Кроме того, получил экземпляр Бодлера, вёрстку “Огонька” и, сверх прочего, договор на двухтомник.

Так счастливо начался 66-й год. Случайна ли вся эта щедрая выдача в первую его декаду? Конечно, сыграла роль и болезнь и память о ней со стороны дружески расположенных людей, но элемент случайной удачи тоже не исключается.

Читал всё это время сборник статей Эйнштейна. Многое там сложно для меня. Я и не пытался вникнуть в формулы, в математические рассуждения и расчёты – это было бы безнадежным делом. Но какой шекспировский, прометеевский тон у этого человека, какое упоительное панибратство с мирозданием, с природой, какое естественное, ни капли не наигранное ощущение переворота, производимого им самим, им лично в умах всего поколения. И сколько при этом благодушия, внутренней доброты, иронии, изящества. Какая стремительность, когда требуется доказать или опровергнуть.

«... Исследователь ощущает до известной степени, что эти взаимосвязи в том виде, в каком они существуют, сам бог не мог бы изменить, как не мог бы превратить число 4 в простое. В этом состоит прометеевский элемент научного творчества, который выше был назван школьным выражением “логическая единственность”. В этом и заключается постоянное очарование научного мышления; это образует, так сказать, религиозный базис научных изысканий». Эйнштейн

«Вам люди аплодируют, потому что вас никто не понимает, а мне – потому что меня понимает каждый». Чаплин² – Эйнштейну

«Математика это единственный совершенный метод водить самого себя за нос». Эйнштейн

9 января

Надо начинать статью о книге Марины для “Литературной газеты”. Слишком медленно я собираюсь. А между тем слишком многое хочу сказать, и всё это почти прояснилось в голове. Единственно, что не ясно, стоит ли включить в этот опус личные воспоминания.

В книжке “Огонька” оказались свободными две полоски в конце. У меня была мысль, весьма заманчивая – вставить стихи о Марине (из «Высокого напряжения») и ещё какое-нибудь стихотворение. Но вчера по телефону Кудрейко возразил: такое стихотворение с множеством конкретных деталей («Эмигрантский путь» и другие) требует комментариев для массового читателя (сто или полтора-два тысяч экземпляров), а комментарии, конечно, совсем не желательны (мне самому в первую очередь). Поэтому условились, что пойдёт «То, что казалось» (из «Четвёртого измерения»).

Итак – статья о Марине. У Володи Орлова это «судьба-характер». У меня это раскроется как «история-биография» и отсюда трагическая конфликтность в жизни и в творчестве. Я хочу написать и о том, как личность Маяковского и его жизненный подвиг становятся рельефными, если рядом с ним стоят сверстники: Марина, Пастернак, Хлебников³, т. е. те поэты, которые действительно достойны быть рядом. Хочу показать, какой ничтожной бравадой была мнимая контрреволюционность Марины в 20-х годах, как быстро она (бравлада) улетучилась в эмиграции. Вообще многое можно и должно сказать в этой статье.

Надо твёрдо и недвусмысленно исходить из того, что выход этой книги в горьковской “Библиотеке поэта” есть узаконение Марины, её легализация, её вхождение в великую русскую поэзию: она там же, где Пушкин, Державин⁴, Блок... со всеми вытекающими отсюда последствиями. Главное из них – необходимость объективного изучения и соответственной оценки. Честно говоря, у Марины больше прав на это вхождение, чем у Бунина! Однако её проблема нервнее, отношение к ней судорожнее, осторожнее, здесь всегда угадываешь камень за пазухой и прочий резерв менее серьёзных оговорок. Её трагедия известным образом продолжается, и это неизбежно на какое-то ближайшее время.⁵

Но тем выше и ярче будет впоследствии её бесспорность и общепризнанность. Прямое влияние этой поэзии долго ещё будет чувствоваться на всей поэтической молодёжи. С этим нельзя бороться, тем более нельзя отрицать такое влияние. Я-то убеждён, что оно благотворно, как всякая внутренняя раскованность: речи, ритма, синтаксиса. По-своему оно равноценно влиянию Маяковского, но человечнее (психологически и душевно).

Записываю все эти соображения не затем, чтобы включить в статью, но только для того, чтоб войти в атмосферу конфликта, который должен чувствоваться между строк статьи.

В. Каверин прислал мне свою книжечку, в которой есть раздел «Портреты». Это беглые зарисовки некоторых из ушедших писателей: Тынянова⁶, Заболоцкого, Всеволода Иванова, Евгения Шварца⁷, ещё других... У меня такое впечатление, что сейчас писатели совершенно не умеют писать портретов ушедших друзей – ни Каверин, ни Эренбург⁸, никто. Уж на что, кажется, Веня был близок к Тынянову! И

даже тут запись беглая, скороговорка, портретная живая характеристика разбавлена водой литературоведения и всё в целом скомкано. То же самое с Заболоцким.

В чём тут дело? Неужели я тоже не могу? Ведь Блок и Маяковский вышли у меня всё-таки рельефными и живыми. Это если говорить о напечатанном. А вот Луговской – как живая фигура не вышел. Вышел – Тициан. До известной степени Багрицкий и Гудзенко. А Самед не получился ни в какой степени. В «Повести временных лет» есть ещё Вахтангов, Щукин, Куза⁹, многие другие. И сейчас предстоит та же задача, но во много раз сложнее: МАРИНА.

12 января

О Марине я уже начал. Пишу как попало. Не знаю, что и как выйдет. Плана у меня нет. Если не ошибаюсь, пока всё это звучит по-среднему, т.е. похвально, но не слишком найдено. Надо бы острее, сжатее, в более утонченном стиле, афористичнее и ярче. Все эти достоинства могут, конечно, прийти и потом, но может случиться, помянут издали и ищи ветра в поле.

Но вот я прочёл IV том Грина: «Золотая цепь» и рассказы 1916-23 гг., в их числе «Крысолов», и заново им увлёкся. Конечно, это один из самых талантливых русских писателей начала века, хотя и катастрофически неровный. По-прежнему мне кажется, что бытописание окружающей русской жизни было ему решительно противопоказано как раз вплоть до того момента, когда эта жизнь оказалась взорванной. Вот почему «Крысолов» – гениальное произведение. Может быть, я ошибаюсь, но чем-то, кажется мне, он перекликается с «Процессом» Кафки: то же ясновидение в области сна и бреда, равное одному только Достоевскому. Пробовали, пытались столько до и после Грина и Кафки, но удалось заставить поверить себе – только этим двум.

Есть в томе и другие рассказы, в высшей степени замечательные по точности прицела, по неожиданности. И при этом основное в Грине то, что он величайший на свете оптимист. (Что, кстати сказать, резко отличает его от Кафки.) Но он оптимист глубочайший по тону: за безоблачными и блаженными концами многих его драм слышится такое рыдание, что сердце разрывается!

13 января

А между тем, в этой статье я буквально вязну в общих местах, в банальности, в неточных определениях, в полном отсутствии энергии, которая даёт возможность быстрых переходов, когда многое подразумеваемое ясно читателю без слов. Коротко говоря, у меня нет стиля, и это потеря невознаградимая, самая невознаградимая.

В «Известиях» статья Ерёменко, посвящённая арестованным писателям Синявскому и Даниэлю. Статья называется «Перевёртыши». Смысл её можно представить себе, не читая статьи. Он в том, чтобы доказать предательство со стороны обоих, их двурушничество, их антисоветскую деятельность, выразившуюся в передаче за рубеж произведений, клеветующих на советское государство, на советское общество.

Но как именно обстоит дело в этих произведениях, из статьи совсем не ясно. В ней есть несколько цитат. Невооружённый глаз разберёт, что они не могут быть

авторской речью. Очевидно, они выхвачены из реплик действующих лиц. Спрашивается, кто же эти лица? Вот тут дело и пахнет обычной в таких случаях подтасовкой, шулерским приёмом со стороны «критика». Кто из нас не страдал от подтасовки цитат, от их произвольной кройки, с урезыванием вывода и т.д.

Всё это вообще в целом, раз эти люди сидят в тюрьме и не могут защищаться, выглядит достаточно зловеще. Пахнуло далёкими временами, практикой, казалось бы, навсегда осуждённой и отвергнутой. Так нет же! Сколько было воплей о недопустимости проработочного тона и проработочной критики в печати! И вот она налицо, безапелляционная, со всем набором мыслимых в печати бранных слов. Скажут, что случай исключительный – дескать, предатели родины! Но ведь это-то как раз и надо ещё доказать, для этого и существует суд, который обещают сделать гласным.

К сожалению, сама гласность у нас слишком гибкое понятие. Спрашивается: в какой мере гласный, как организована защита, кто именно будет допущен, из кого будет состоять аудитория? Ведь и суд над Бродским был формально гласным, однако его перенесли (ради этой гласности) в глухой район Ленинграда, специально на грузовиках привозили сезонных рабочих, полуграмотных, пьяных...

Да и вопрос ещё: каким будет в этом случае судебное разбирательство? Недаром и следствие длится уже бог знает сколько времени – признак, что не всё благополучно в нём, не слишком ясна вина обоих подсудимых. Ещё неизвестно, что произойдёт, что обнаружится, когда следствие раскроет свои карты, свои документы и доказательства!

14 января

Статья кое-как дописана. В ней имеются кое-какие блёстки, кое-какие наблюдения, но увы, нет главного. Нет энергии высокой хвалы, которую заслужила Марина. А без этого не стоило браться за перо. Надо написать с такой силой, с такой бесспорностью убеждения и убедительности, чтобы никто не осмелился вычеркнуть ни одного слова, ни одной запятой. Надо одним ударом раз навсегда пресечь любое лжетолкование, любую перестраховочную оговорку, любую оглядку куда бы то ни было.

Да и вообще, о чём ни писать, но по-настоящему. Только так, а не иначе, надо самому издавать декреты!

15 января

Вчера вечером у меня был Костя. Оказывается, ему предложили выступить по телевидению насчёт моего будущего двухтомника в передаче Гослитовской, под председательством Косолапова, 19-го в 10 часов вечера (в среду).

С места в карьер о Синявском и Даниэле. Симонов убеждён, что они предатели. «Если только они действительно авторы», – оговаривается он. Но мы сходимся на том, что обоих надо выслать за рубеж, ничего другого с ними не делать. Если суд решится применить эту меру, т. е. покажет такое благородство в своём презрении к подсудимым, наш престиж и наше доверие ко всякого рода органам сразу возрастут.

С недавнего времени, точно не помню, когда именно, снова вовлёкся в рисование и живопись, сделал новый вариант пушкинского «Гробовщика», а сейчас начал вариант гоголевского «Портрета». Спрашивается, зачем же ветер возвращается на круги своя, разве нет возможности делать новые вещи и не повторять себя...

Конечно, возможность имеется, но мои темы – предмет вечного поиска и постоянного интереса. Ведь я не копирую, а делаю заново.

20 января

Вчера в 10 часов вечера Константин говорил по телевидению обо мне, о двухтомнике, прочёл несколько строф из «Сына». Это было необыкновенно трогательно и как-то внушительно. Я ему обязан по гроб жизни... Меня смутили слова Косолапова о том, что двухтомник ещё готовится к печати. Между тем двухтомник уже послан в типографию. Либо директор издательства почему-нибудь не в курсе дела, либо возникло какое-то усложняющее обстоятельство... А их может быть великое множество, самых неожиданных, как всегда...

24 января

Я совсем погрузился в рисование. Наконец, выполнил давнишний замысел: градоначальники города Глупова. Других достижений у меня не имеется. Статья о Марине на точке замерзания. То, что уже сделано, никуда не годится. Я не имею права писать о Цветаевой на три с плюсом...

Андрей отправляется сегодня в очередную туристскую поездку по Уралу, чуть ли не в Воркуту, на все студенческие каникулы, т.е. недели на две. Конечно, волнений не оберёшься.

28 января

Решительно и начисто, с начала и до конца переделываю статью о Марине Цветаевой. Я понял, что мне нельзя ограничиться поневоле скомканным газетным откликом на эту книгу хотя бы и в «Литературной газете». Нельзя и грешно обойтись без личного, без воспоминаний о живом, когда-то близком человеке. Третьего дня у нас был Твардовский, хотя и сильно пьяный, но я всё-таки попробовал заикнуться о помещении такой статьи у него в «Новом мире». Он сразу ухватился и, по-видимому, искренне и серьёзно. Но если и не в «Новом мире», я всё равно найду где опубликовать.

31 января

Ходит слух, что открытый суд над Синявским уже назначен на 9-е февраля и что общественным обвинителем должен выступить А. Г. Дементьев, живущий здесь, почти напротив меня. Так ли это?

Вечером я встретил Твардовского и не решился спросить у него, ибо если это правда, то для него она невыносимый удар, оскорбительный, подлый. Задуман такой

«обвинитель» как удар по Твардовскому, по “Новому миру”. Это грязная провокация. Конечно, заставить Дементьева выполнять эту функцию могло быть и очень нелегко. Но, видимо, у тех, кто это сделал, была в руках какая-то карта, и бедный критик-литературовед, заместитель Твардовского по журналу, человек, кажется, прогрессивный (когда-то он же давал блестящую рекомендацию для принятия Синявского в Союз писателей), теперь вынужден был взять на себя такое «партийное поручение». Но пока что это только слух. Может быть, он окажется и ложным. Дай бог! Потому что всё вокруг с каждым днём и часом становится гаже и мерзее. Несмотря на крайне пёструю и чересполосную картину, общий её тон всё-таки ПОДЛОСТЬ! Сколько уже раз в жизни за эти годы приходилось цитировать Некрасова¹⁰:

Бывали времена и хуже,
Но не было подлей...

Увы, цитируя это заново, вижу, что в прошлые разы маленько ошибся!

Страшные годы при Сталине были прежде всего страшны как террор, как стихийное бедствие, вроде того, что шаровая молния влетела в комнату. То, что происходит теперь, отнюдь не стихийно, не загадочно: все мелкие ухищрения видны! Всё делается на живую нитку и на глазах почтеннейшей публики. И никто никого ничем не может обмануть.

Всё как в нарпитовской столовой: и таракан в тарелке супа, и разбавленная «Столичная», и сапожная подмётка вместо антрекота... Даже электрическая лампочка – жульничество, как у Чехова в «Свадьбе».

И моё брюзжание на этой странице тоже своего рода жульничество, и оно самое скверное из всех жульничеств, потому что «от нечего делать».

Первый месяц 1966-го года кончился. Я только и делал, что возился и терпел фиаско со статьёй о Марине: она нелегко даётся мне.

4 февраля

Я по-прежнему занят статьёй о Марине. Если ещё три дня назад решил, что статья окончательно сделана, то теперь понял, как далеко до конца, как велика моя ошибка.

Дело вот в чём! О Марине можно и должно написать так, чтобы о ней было сказано всё и всеми словами. О её собственной гибели в Елабуге зимой 1941 г., о гибели её сына, о вине перед нею советского общества. Перекаладывать эту вину с наших плеч на правительственные, партийные и ещё не знаю уж какие плечи нельзя ни в каком случае. То же самое во всех остальных частях статьи. В ней не может быть фигур умолчания. И если статья будет написана именно так, тогда и только тогда за неё стоит драться. В ином случае грош ей цена.

Можно подумать, что написав это я как-то подстёгиваю себя. Ничего подобного! Всё это у меня уже давно написано, собственно говоря! Стоит только раскрыть рукопись 1953 года «Повесть временных лет»¹¹ и оттуда можно извлечь целые куски прозы, в которой сказано всё, что требуется повторить сейчас более сжатым образом. И я очень рад тому, что эта рукопись осталась рукописью. Если бы я вздумал печатать её раньше, она наверняка появилась бы искалеченная, сто раз

оборванная на полуслове. В двадцатых годах я написал: «Красноречью у камня учась». До какой-то степени я этому научился.

21 февраля

Начался и кончился отвратительный процесс Синявского и Даниэля.¹² Один осуждён на семь лет, другой – на пять, оба со строгим режимом. В чём он заключается, раз об этом открыто объявлено, можно себе представить. Это режим на физическое уничтожение.

Пока я жил у Кипсы все эти дни¹³, – мысли и разговоры вертелись только вокруг процесса. Были у меня за это время Эткинд и Лозовецкий, Лесневский, Афанасьевы, Игорь Волгин¹⁴, Журавлёвы и их дочка с мужем, Юлия Гольцева, Каждан¹⁵.

Получил два письма от Аси Цветаевой¹⁶, её воспоминания печатаются в “Новом мире”. Два письма от В. Орлова. Читаю всё время жестокую прозу Бунина¹⁷.

22 февраля

Ничего не сказано в газетных статьях в связи с процессом о роли «общественных обвинителей», писателей Аркадия Васильева¹⁸ и З. Кедринной¹⁹, об отношении к процессу западных компартий и западной интеллигенции. Ничего не сказано о высылке за границу, в Лондон Тарсиса как раз накануне процесса, т.е. явно с провокационными намерениями. Сегодня в газетах было о лишении Тарсиса советского гражданства.

Сегодня утром я, наконец, допечатал на машинке статью о Марине. В ней оказалось 22 с половиной страницы. В моей печати это чуть больше печатного листа. Во всяком случае, на сегодня мне кажется, что статья готова и прибавлять в ней нечего.

Послезавтра ко мне должны явиться киношники из Баку, чтобы снять и записать звук выступления о Самеде Вургуне. Ему исполняется 60 лет и прошло десятилетие со дня его смерти. В понедельник они уже приезжали, чтобы договориться. Сверх того, 25-го в пятницу мне придётся ещё ехать в Москву почти по такому же случаю – для записи этого выступления на Московском радио. Вчера приезжали оттуда, но оказалось, что провода невозможно дотянуть к дому из-за снега.

Действительно, снегопад этой зимы просто ужасен: и снежный покров, и сугробы. Весною может быть такое таяние снегов, что все мы в нём утонем. А сейчас неожиданная оттепель, 3° выше нуля. Если такая погода удержится, она сможет предотвратить весеннее бедствие, но ведь и снег сыплет и сыплет.

Читая Бунина, особенно в его зрелую и наиболее самостоятельную пору, примерно от 1910 до 1917-го года, включая «Деревню», «Весёлый двор», «Ночной разговор», «Хорошую жизнь» и, может быть, особенно короткий рассказ (две с половиной страницы!) «Старуха», видишь с пронзительной ясностью, чем может и должна быть великая русская проза наших дней. И чем она стала, как дешево она стоит сегодня. Эта ясность нестерпима. Правда, был Бабель²⁰, был Булгаков²¹, был

Андрей Платонов²², сегодня существует Солженицын²³, может быть, и ещё кто-то должен быть назван. Но все они мученики.

Что же такое Бунин? Это явление совсем не такое простое и не такое безусловное, как принято сейчас провозглашать на многих перекрёстках. Его поздние рассказы (30-х годов) с ещё более поздним стариковским, склеротическим сексом мне решительно не нравятся. Надо родиться французом, чтобы хорошо и смело делать такие вещи. Знаменитая бунинская «Деревня», в своё время больше всего способствовавшая его популярности, тоже никуда не годится: жалкое, подбострастное подражание Горькому, недаром Горький так высоко её ставил! Все эти мудрецы из народа, сыплющие афоризмами хитровато-наглогато-вителиевой выпренности так же фальшивы, как они фальшивы у Горького. Причём, так и не ясно: какой Тихон, Кузьма, Федот, Лука, Ермолай и что именно проповедует, кому возражает... Все они на одно лицо!.. После чеховских «Мужиков» и его «В овраге» произошло грандиозное падение мастерства, изобразительной силы и, прежде всего, падение отбора, выбора средств. Падение искусства.

Но то, что я написал раньше – остаётся в силе. Есть и сильнейшие в русском языке вещи. Чем отточнее и проще у Бунина сюжет («Хорошая жизнь», «Ночной разговор», «Старуха», да и многое другое), тем он выше как великий художник и мастер, как продолжатель Чехова. В суждениях о нём это надо всячески подчёркивать и выдвигать на первый план.

О Буине – поэте я много думаю сейчас. Тут произошла явная переоценка, правда, очень понятная после тридцатилетнего (по меньшей мере) замалчивания. Во всяком случае рядом с Анненским²⁴, Блоком, даже Белым²⁵ Бунин ступенькается и становится типичным поэтом «из толстого журнала», т.е. стихотворцем без лица, без пути. Вся его экзотика, все эти африкано-азиатские, морские и прочие пейзажи, зарифмованные кое-как, с якобы философским уклоном, чистейшая ерунда. На старости лет, в эмиграции, испив горчайшую на свете чашу одиночества, унижения, тоски и умирания, он сделал несколько удивительно прекрасных вещей. А вообще говоря, это самый настоящий «русский парнавец» – вот, кажется, самое верное и честное, что можно сказать об этом поэте.

Но я ещё раз хочу перечесть всё с начала до конца!

Нет! Статья о Марине не готова. Как трудно она даётся мне. Это недаром.

23 февраля

Сегодня, совсем неожиданно наш пахринский сосед, детский писатель Иосиф Дик²⁶, привёз ко мне моего болгарского друга поэта Ангела Годорова²⁷ и ещё одного болгарина журналиста Спаса Георгова. Это было очень мило, мы хорошо посидели за столом (благо еда, на счастье, оказалась вкусная, да и водка нашлась), многожды снимали друг друга. У Георгова тоже был аппарат. Явилась Белла, и оба иностранных гостя, братушки славяне, совсем сомлели.

Ангелу я очень обрадовался. Это чистейший и сердечнейший человек в Софии. В 1961-м году он со всех сторон меня обхаживал, да и ко всем приезжающим из Москвы писателям замечателен, радушен и гостеприимен. Зоя тоже была в ударе.

К рассказам Бунина, уже здесь названным, обязательно надо добавить ещё: «Худая трава», «Лирник Родион», «Ермил», «Последний день», «Личарда»,

«Скачка», «При дороге»(!), «Я всё молчу», «Весенний вечер». Всё это навсегда останется у русского народа в памяти, в языке, в хрестоматии, в самой избранной антологии.

24 февраля

Двадцатый век окончательно пришёл к такому положению, когда все науки оказались поделенными на две группы. Их совместное существование (сосуществование) является предпосылкой дальнейшего развития человеческого общежития и общества. Две эти группы: науки точные и науки гуманитарные.

Гуманитарные науки прежде всего не точны. Точные науки - не гуманитарны. Такая характеристика разницы между ними напрашивается сама собою.

Гуманитарные науки не точны в силу того, что предполагают возможным или даже требуют вмешательства случая, прихоти, фантазии в любой их форме – в историю, в философию, тем более в любое из искусств и в любое из исследований об искусстве.

Точные науки не гуманитарны в силу того, что вмешательство случая, прихоти, фантазии, т.е. вмешательство человека как такового в любую из точных наук сулит этой последней бедствие – превращение в неточную.

Следует отсюда только одно. Чем менее точны гуманитарные науки, тем ближе они к своим целям. Они и должны быть недостоверными и возвышать своей смелой недолговечностью, своим дерзновенным полётом человеческий дух. В этом историческая функция гуманитарных наук.

Пушай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.

Вот что должно быть лозунгом истории, философии и искусства конца XX века.

Между тем, точные науки действительно выполняют свою историческую функцию, если в каждой из них окончательно восторжествует предел наивысшей точности, т.е. всё та же математика, что и предвидел Ньютон²⁸. При этих условиях может случиться и так, что сам человек окажется ненужным персонажем, балластом в строго математическом комплексе и его легко заменят счётные машины. И тогда антигуманитарная сущность точного знания обнаружится с полной последовательностью. И прекрасно!

Потому что дерзновенный человеческий дух освободится от стремления познать и переделать мир методом точного знания. Он ринется в противоположную сторону для той же задачи (данной ему от века!). Куда он ринется, немислимо догадаться – это дело случая, прихоти, фантазии. ДЕЛО ЧЕЛОВЕКА и только такого, каким он будет в нужный день и час своего исторического бытия.

Сегодня весь день у меня пробыли бакинские киношники, как и было условлено, чтобы снять эпизод – мой рассказ о Самеде для документального фильма. Это была задача нелёгкая, много времени ушло зря. И камера у них издавала подозрительные шумы, и звук не записывался и отказывал раз шесть подряд, и ещё были всякие накладки и неполадки. Насколько легче была проделана совершенно такая же съёмка москвичами в ноябре! Но было ужасно жалко этих тринадцати ребят, бившихся в поте лица часа три-четыре над ерундовой задачей, всё время

извинявшихся, а когда они закончили, им пришлось во всю гнать к Косте Симонову, с которым они условились о такой же съёмке в 5 часов вечера. Конечно, моя Зоя накормила чем бог послал всех этих тринадцать запыхавшихся юношей. Зоя на этот счёт совершенно безотказна и придерживается железных правил: она считает немислимым отпустить из нашего дома кого бы то ни было голодным.

25 февраля

Формулировки, которые я вчера записал, давно уже мне мерещились. Но только зафиксировав их на бумаге, я убедился в своей правоте. Только доведённая до окончательной ясности мысль имеет право на существование, и тогда сразу вслед за нею теснятся нужные выводы. Пока на этом можно и должно остановиться.

Записанное вчера имеет своей задачей и целью защиту гуманитарных наук от опасностей математического мышления. Может случиться, что меня и не поймут, поднимут на смех или на вилы. Ведь в моде «математика в лингвистике», «электронный перевод»... Всё это совсем не плохо и, наверно, окажется в ближайшем будущем в большом почёте, потому что принесёт некоторую пользу. Но главный принцип и здесь остаётся в силе: сначала размежеваться, т.е. точно определить пограничную линию, а потом уже мириться, сосуществовать и так далее.

Зоя уехала в Москву, и статью о Марине я всё-таки решил послать в “Литературную газету”, а там пусть будет что будет. Она ещё разрослась немного, так что для газеты, конечно, не подходит. Если захотят и смогут выкроить нечто вроде подвала, то и слава богу.

26 февраля

В сущности, всё моё рассуждение о «науках» опирается на Шпенглера. Я обнаружил это, раскрыв наугад его книгу, которая вышла ни много ни мало полвека тому назад.

Но Шпенглер последовательнее. Проблема у него глубже продумана, твёрже поставлена. Он противопоставляет два объекта человеческого познания, два мира – природу и историю, и отсюда два метода: математика и хронология. И это не сужение вопроса, а только чёткое отграничение от всяких посторонних частных. И это не сужение вопроса, а только чёткое отграничение от всяких посторонних частных.

Спрашивается: в какую же сторону шло развитие человеческой мысли в течение этих пятидесяти лет? Да и шло ли оно куда-нибудь? Ни социализм, ни расщепление атомного ядра, ни сталинский террор, ни гитлеровские газовые камеры, ни телевидение, ни ракетостроение, ни спутник на Луне, ничто не содействовало развитию человеческой мысли.

27 февраля

Сегодня весь день пробыли у нас Николай Браун со своим сыном, тоже Колей. Этот последний, оказывается, вот уже пять лет пробует писать стихи и в них много интересного. Человек в стихах думает, а это случается не так уж часто. Ему 27 лет. Скорее пошёл от отца-поэта, чем от матери Маруси Комиссаровой, но кое в чём пошёл он даже от меня (стихи о Шекспире).

Вчера вечером у Симоновых. Он написал важное, резкое и правильное письмо в секретариат СП о своём отношении к делу Синявского: предлагает писателям добиваться пересмотра приговора и высылки обоих (Синявского и Даниэля) из Советского Союза. Много разговаривали и на эту тему и ещё о разных предметах, между прочим о Бунине. Интересно, что я совпадаю с Симоновым в оценках Бунина. Что-то вообще мы очень часто совпадаем. Меня интересует (интригует) механизм этих совпадений, откуда они происходят, чем обусловлены?

28 февраля

Возвращаюсь к записи третьего дня: о развитии европейской мысли за эти 50 лет. Честное же слово, здесь решительно не на что указать. Экзистенциализм во время своей моды (лет двадцать назад, сразу после войны), в сущности, только это и констатировал, но по-своему, т.е. никакой новизной не хвалясь и смиренно признавая крах человеческого мышления, отчаянное положение человека между всякого рода «да» и «нет».

Само качание между ревизионизмом и догматизмом в наших идеологических спорах и недомолвках показывает такой же застой: ревизионизм не нарушает этой картины, он только оттеняет её, отнюдь не творчески.

С другой же стороны сами физики и математики всячески подчёркивают свою неподготовленность, а то и неспособность к теоретическому осмыслению собственного богатого опыта. Они растеряны перед картиной, открывшейся им во Вселенной (макрокосме) и в микромире. Эта растерянность – явление того же застоя, той же немощи.

Неуместны в 1960-х годах века гимны человеческому могуществу. Да, человек и на Луну полетит, и смертельную угрозу рака вырвет с корнем, и, может случиться, станет вообще гораздо долговечнее, но всё это только техника существования его на земле, а не цель, не сущность существования. Цель и сущность утрачены вместе с гуманизмом.

Выйдя в июле из Боткинской больницы, я мечтал о какой-то неохристианской утопии, начал даже писать о чём-то вроде. И в этом дневнике есть следы тех мыслей. Но разве только с отчаяния можно питать какие-то надежды на христианство.

Точно так же обстоит дело и с коммунизмом.

Иначе говоря, точка опоры (даже тень точки опоры) может оказаться в том, чтобы честно, скромно, строго заняться воспитанием новой человеческой смены, возложив на неё, на эту смену, наше долженствование, наши несбывшиеся надежды. Но никаких гарантий в том, что дело вообще выгорит. А собственно говоря, когда и у кого были такие гарантии?

В общем виде это можно сформулировать следующим манером:
Никаких широковещательных иллюзий.

- Никаких обещаний всасол и впрок.
- Никакие облигации оплачены не будут никогда.
- Никакое расширение никакого производства, никакое улучшение его качества не даст никому из живущих на земле счастья.

- Необходимо с величайшим терпением и величайшей скромностью отдать все наличные силы, физические и духовные всего возросшего населения земли, воспитанию растущего поколения.

- Средняя школа – единственная колыбель будущего. Всё отдать средней школе!

Второй месяц этого года кончился тем, что моя статья о Марине существует в двух экземплярах; один из них в “Литературной газете”, другой – с сегодняшнего утра у Дементьева, т.е. в “Новом Мире”. <...>

1 марта

Из многих записанных здесь высказываний и мыслей можно сделать вывод, что я не люблю или недолблю точные науки: математику, физику и т.д. Это абсолютно неверно. Я обожал по-своему математику ещё в гимназии, правда в тех скромных пределах, которые мне были преподаны. Но питал страх к ней – вроде страха перед лабиринтом, в котором можно заблудиться и так и не выйти из него до конца дней. Может быть, руководил мною инстинкт художника, т.е. человека противоположного склада, а может быть, всего только душевная вялость и интеллектуальная леность... Эти черты были присущи мне и в отрочестве и в юности. Играть в любительских спектаклях, писать скверные стишки было значительно легче, чем углубиться в математику. Это толкование тоже не исключается.

Оглянувшись на эту баснословную даль, я хочу вывести отсюда спокойное, нелицеприятно уравновешенное отношение к собственной проблеме: точные науки vs. гуманитарные. Я нахожусь внутри вторых и действительно озабочен их судьбой, их развитием, их жизненностью, но фанатизма у меня нет и в помине. Я боюсь одной только односторонности, угрожающей людям сегодня, особенно угрожающей молодёжи, которой всегда свойственно перегибать палку. Она делает это с величайшим спокойствием и с величайшим презрением к «другому концу палки».

5 марта

Вёрстка первого тома, конечно, обрадовала меня, но в то же время и испугала. Но даже испугавшись, я большого значения не придал своему страху. <...>

Забота со стороны редактора, Лидии Михайловны Красногладовой – чрезвычайно трогательна и всё время умиляет и меня и Зою. Но за Лидией Михайловной я чувствую настроение всего издательства: оно на редкость внимательно ко мне. Так ещё не было ни разу за многие, многие годы и даже десятилетия.

Миша Матусовский рассказывал о том, как в ЦДЛ происходила встреча со Смирновым, председателем суда над Синявским и Даниэлем. Было великое множество записок к нему, подавляющее большинство сочувственных к подсудимым (обратного свойства только две). Смирнов, старый юрист, один из ярких обвинителей Нюрнбергского процесса, беспомощно барахтался, отвечая на эти записки, ничего толком не сказал... Говорят, что Синявский ещё в Москве и должен выступать как свидетель на каком-то процессе, похожем на его собственный. А Даниэль, говорят, уже выслан, причём на урановые разработки. А это кончается

очень страшно, чуть ли не через два месяца. Человек гибнет, получив смертельную дозу облучения.

Мы привезли кое-какие новые книги. Тут бы, кажется, и сесть за них, но я опять взялся за Шпенглера и никак не могу от него оторваться, хотя сравнительно хорошо помню всё, что сейчас перечитываю чуть ли не в шестой или седьмой раз. Соглашаясь или наоборот споря со Шпенглером, я всё равно остаюсь в круге его интересов, его главной заботы: судьба человеческой культуры. Кажется, так это можно обозначить наиболее рациональным образом.

И если у Шпенглера такая забота названа заботой о западноевропейской культуре, о её унтерганге, то что ж, я очень согласен на это горькое уточнение, потому что сам неизбежно нахожусь внутри западноевропейской культуры, а не где-нибудь в ином месте. Иного места я не вижу. Да и не ищу его.

7 марта

<...> Третьего дня я привёз из Москвы три свои обрамленные картинки: нового «Гробовщика», новый «Портрет» Гоголя, и лермонтовский «Штосс». Всё это в разной манере, но во всех трёх есть одинаково новое для меня: бóльшая, чем прежде, свобода рисунка и бóльшая законченность. Ещё новые картинки: Градоначальники города Глухова (подарены сегодня Матусовскому), «Сказка для детей» Лермонтова и «Незнакомка» Блока. Всё сделано в сравнительно короткий срок, январь - февраль. Последняя картина «Незнакомка» - ко дню рождения Зои, ещё к 8 февраля (после чего я непрерывно сидел над статьёй о Марине).

Таким образом, я всё-таки двинул коллекцию своих картин и надеюсь не бросать это любимое дело. Мне ещё многое хочется сделать. А что именно?

По-прежнему верчусь вокруг трёх: Пушкин-Гоголь-Шекспир. Остальное (Лермонтов, Блок, мой собственный Вийон, даже Робеспьер²⁹) – это какие-то эпизоды, отходы. Мне очень хочется сделать всех действующих лиц «Мёртвых душ» на одном листе, аппликацией, ярко, без сюжетной связи друг с другом, без определённо выраженного фона (разве только общее впечатление большой дороги: «Россия, нищая Россия, мне избы серые твои...»); очень хочется сделать Германа в комнате графини; приход Командора, что-то из последних глав «Страшной мести», и конечно ещё и ещё раз «Невский проспект»!

Я не думал предварительно об этой записи. Вся она – чистая импровизация, но при всей случайности названных сюжетов, она уже обязала меня как-то к ближайшему исполнению. Особенно, кажется, «Мёртвые души».

Вчера был у Дементьева, и он сообщил мне, что «Новый мир» печатает мою Марину Цветаеву чуть ли не в апреле-мае. Для меня это большая и важная неожиданность, сказать по правде. Я дал им прочесть статью без всякой надежды на успех, прежде всего потому, что только-только опубликованы воспоминания Аси. Значит, тут есть какая-то особая лихость Твардовского, его решение, его выбор, по-своему смелый, и против течения, как всё в последнее время.

И вот я почёсываю в затылке: на кой чёрт, собственно говоря, я дал в “Лит. газету” статью, да ещё разрешил вырвать из неё небольшой кусок, т.е. искалечить... Смогу ли я теперь воспротивиться такой ампутации, запретить её, взять статью обратно? Как это сделать? Живи я в Москве, это было бы легче сделать, а отсюда

мне будет очень трудно командовать, да ещё по этим ужасным телефонам, которые только и делают, что приказывают долго жить...

9 марта

Сегодня Константин Симонов привёл к нам Туву Лондона, с которым, оказывается, связан инсценировкой «Дыма Отечества», которую сделал Лондон. Спектакль уже идёт в Ногинске и нравится Симонову; должен пойти и в Москве. Лондон пробыл у нас весь вечер, мы вспоминали многие годы нашей дружбы (тридцать два года!)

Костя сегодня встречался с Твардовским и Сурковым. Они все трое придерживаются одного взгляда на дело Синявского и Даниэля (Сурков тоже не подписал заявления от секретариата СП) и втроём писали письмо в ЦК. Это уже важное дело. Дай бог ему удачи, наконец. В конце концов у настоящих людей, которые преданы правде и честно слушаются совести и готовы при этом не жалеть свои силы, добиваться, бороться, не отступать перед трудностями, и если при этом они ещё пользуются нужным авторитетом, короче, у таких людей всегда найдётся возможность воздействовать на события. Они могут многое менять в лучшую сторону даже в нашей косной, идиотической системе отношений, даже в этом пропащем социалистическом государстве, давно уже превратившемся в свою противоположность.

14 марта

Я убил на чтение-перечитывание Шпенглера больше двух недель и сейчас с большим трудом дочитываю последние страницы. В этой книге было в своё время заложено важное и нужное, отчасти и взрывчатое, во всяком случае, искреннее и глубокое, до дна пережитое автором.

Но в конце книги он разменял это богатство на какое-то раздражённое брюзжание, на тот самый «журнализм», против которого сам же в другом месте ополчается. Ему не хватило характера. Это случилось и случается со многими. Многие кончают истерикой, манией (той или другой) и фобией (той или другой).

Относительно Шпенглера можно сказать и по-другому, совсем наоборот. Может быть, вся его книга, весь её громоздкий аппарат, вся эта энциклопедическая или просто циклопическая постройка возводилась ради последних, полемических глав с их брюзжанием, с раздражением на окружавшую автора современность.

Так или иначе, но в конце он мельчает. А для такого человека, как Шпенглер, самое ужасное дело, самая непоправимая беда – обмельеть и очутиться на мели. Это равносильно потере лица.

Француз, даже англичанин встряхнулись бы, и с них как с гуся вода. Иное дело немец, который вольно дышит только в абстракциях, среди отвлечённых (им же самим установленных) понятий.

21 марта

Вчера у нас была Рита Алигер, переночевала, утром уехала. Вчера же был Твардовский с редактором отдела критики в “Новом мире”, они принесли вёрстку статьи о Марине. Сегодня я правил её и вклеил все имеющиеся у меня вставки (5 с половиной страниц на машинке). <...>

Вчера я подписал (рядом с другими писателями) письмо об освобождении Синявского и Даниэля. Это будет длинная канитель.

22 марта

Со здоровьем Кипсы по-прежнему тревожно и неясно. Врач из районной поликлиники установил у неё сильное и острое осложнение глаукомы, прописал постельный режим, тёмную комнату. У неё внутреннее кровоизлияние в глазу. В то же время врач говорит, что кризисное состояние прошло. Завтра Кипса поедет в поликлинику Литфонда, там принимает хороший глазной врач, специалист Загородникова, с которой она уже имела раньше дело и очень верит ей.

Сегодня утром я вручил Дементьеву свою статью (т.е. вёрстку) со всеми поправками и вставками. Получилось довольно сложное сооружение посредством ножниц, клея, карандашей двух сортов. Дементьев и Твардовский всячески меня торопили и пугали тем, что, может быть, придётся всё-таки печатать статью в том виде, как она есть, т.е. без моих новых вставок. А когда я сегодня дозвонился в редакцию и вызвал секретаря редакции Закса, оказалось, что Дементьев забыл мою статью здесь, на Пахре, но Закс при этом обещал, что всё будет в порядке, что никуда я не опоздал и что можно быть спокойным. Но что за странный тип Дементьев! <...>

От Володи Орлова телеграмма и письмо: ему очень нравится статья о Марине.

29 марта

Когда мы называем Вселенную мирозданием, мы тем самым признаём, что Вселенная – здание, что она построена. Ещё бы нет, если в ней можно различить чертежи Архимеда и причинность Канта. Иначе говоря, человек создал вселенную «по своему образу и подобию», как его создал бог или как он создал бога.

Но есть и другое, ещё более важное. В любом человеческом представлении со дня нашего рождения заложена своя диалектика, благодаря которой мы познаём и украшаем мир. Конечно, диалектический материализм возразит, что дело обстоит как раз наоборот, что не мы соответственным манером украшаем природу, а сама природа, дескать, диалектична, поскольку она, природа, всё по Энгельсу³⁰. Но мы-то знаем, что бабушка надвое сказала и придерживаемся собственного мнения!

1 апреля

О Ромене Роллане (я читаю его воспоминания). <...> Легкомысленно, не додумав собственной мысли, крайне поверхностно и потому до неприличия грубо излагать своё мнение об этом писателе. Ни на легкомыслие, ни на грубость у меня нет никакого права. Да и охоты нет вступать в запоздалую полемику неизвестно с

кем. Я ещё успею вернуться к Ромену Роллану. Во всяком случае, я хочу понять его с лучшей стороны, не поддаваясь какой-то инстинктивной антипатии и необоснованному недоверию.

3 апреля

Дочитав до конца воспоминания Ромена Роллана, кажется, я смогу теперь судить о нём и о книге спокойно и объективно. Я продолжаю думать, что это был последовательный и безнадёжный позёр, резонёр и фразёр. Это два основных, самых глубоких и врождённых свойства человека. На этом фоне разыгрывалась драма жизни.

В известном отношении он близок к Гюго. Но у Гюго – горячая кровь, грандиозный темперамент, а главное у него – неистребимая (тоже врождённая, первоначальная) любовь к людям: к детям, старикам, униженным, к слабым и малым мира сего. Кроме того, темперамент Гюго (минуя поэтическое, вообще творческое начало) – это темперамент общественный, политический. Кроме того, у Гюго ясная мысль, латинская логика, концы сходятся с концами, всё прочно стоит на земле, на реальной почве.

У Ромена Роллана полная противоположность. Кровь у него жидкая, холодная. Темперамент какой-то вялый, слишком интеллектуальный. Его мысль никуда не двигается, только блуждает в тумане иносказаний, вынужденных метафор, нелепой символики. Людей он не только не любит, но в сущности не видит их, не знает. За исключением одного только человека. И этот человек – он сам, Ромен Роллан. Тут полная мера обожания, возвеличения, почитания, постоянного обихаживания и старания угодить, обелить, заранее защитить от всех возможных нападок!

На старости лет он вздумал подвергнуть ревизии и переоценке собственную жизнь, работу, дорогу. Это не удалось. Потому что в любой данный момент он оказывался в плену у собственного прошлого, заново окапывался в нём, барахтался и захлёбывался. Это зрелище плачевное.

Но известное величие в нём есть. У Ромена Роллана всегда наличествует вера в то, что путь, пройденный им, послужит уроком для многих будущих поколений. Я считаю, что в этом была его высокая культура, его историзм. Всю жизнь он пытался держать экзамен: на Гёте³¹, на Бетховена³², на Толстого³³. Это его личное дело и, как говорится, бог с ним! Чем бы дитя ни тешилось... Но, наряду с этим он вольно или невольно (скорее, всё-таки, вольно!) был проводником, вестником, глашатаем и пропагандистом такого же величия духа.

Меня давно уже беспокоило и продолжает беспокоить моё отношение к этому писателю. Почему в самом деле я расхожусь в этом пункте с многими своими друзьями, единомышленниками, современниками? Почему я так ревниво, недоверчиво, недоброжелательно приглядываюсь к Ромену Роллану? В чём тут дело? Может быть, сюда замешалось что-нибудь «личное», чего я сам не заметил?.. Может быть, его и мой «Робеспьер»? Может быть, впечатление от самого Ромена Роллана у Горького, рядом с Горьким в 1935 году на Николиной горе? Даже не тогдашние впечатления, а последующие наслоения по памяти?..

Нет, я ни в чём не грешен. Всё это могло только приблизить, примирить, очеловечить и утеплить отвлечённое представление о далёком человеке другого языка и другой культуры...

Честное слово, я читал сейчас «Воспоминания» с самым искренним желанием войти внутрь человека и писателя, который так высоко (и, очевидно, с основанием) оценен в нашу эпоху. Мне не понравились ни эти воспоминания, ни длинные выписки из старых дневников, которые автор делает попутно. Всё это в целом производит впечатление какой-то бесконечной декларации своих особых прав и привилегий по сравнению с другими людьми. Чем взрослее становится автор, тем навязчивее идея своей исключительности, тем требовательнее возвышает голос самовлюблённое и самоуверенное существо. Что бы на протяжении десятилетий ни бушевало вокруг Ромена Роллана – дрейфусиада, рождение социалистического движения во Франции, отголоски поражения 70-71 гг., приближение новой войны, – он прежде всего стремился тщательно поставить рогатки между собою и любым общественным движением и, только поставив такие рогатки, пытался разобраться в себе и в других. Это «разбирательство» сводилось к признанию и подчёркиванию своей исключительности. А в чём она? Тут начинается сплошной туман. И в этом весь Ромен Роллан. Почему же так случилось, что Ромен Роллан целиком взят на вооружение, и не только у нас.

Если говорить о творчестве Ромена Роллана (вне его личности), то я больше всего принимаю его революционный и народный театр и меньше всего «Жан Кристофа», в котором (мне кажется) нет ни жизни, ни крови, ни эпохи, ни характеров, ни искусства – всё абстрактно и всё на ходулях. Чем дальше движется монотонное повествование, тем оно скучнее. Но охота была доказывать родственность романской и германской культур, ломиться в открытую дверь... Модно было (тогда, в начале века) провозглашать эту вершинную гармонию, единство душ и т.д., а крот истории рыл свои подземные ходы в противоположном направлении. 1914 и 1940 гг. показали их в багровом зареве. Неужели Ромен Роллан так и не понял коренной ошибки своей жизни?

4 апреля

<...> Телефон работает только у Симонова, и я давно уже надоел его домработнице каждодневными утренними, а то и вечерними заходами. Вчера он был здесь – усталый и, пожалуй, мрачный от впечатлений XXIII съезда, которым полны газеты и все наши здешние разговоры и ещё больше мысли. Константин, как всегда, рассуждает здраво, отчётливо, холодновато – в противоположность нам всем. У него то преимущество, что он всё время там присутствует. Преимущество не слишком завидное.

Вообще же говоря, этот съезд – загадка, уравнение с многими неизвестными. Ясно пока одно: реабилитации Сталина³⁴, о которой столько говорили, не происходит. Во всяком случае, в опубликованных докладах и речах ею и не пахнет. Само по себе это, кажется, хорошо, но надолго ли такое положение? Делегаты братских и зарубежных компартий (судя по газетным отчётам) выступают с речами более или менее одинаковыми и официальными. Так называемая демонстрация единства состоялась безусловно.

Но что это означает? Где, на каком плацдарме находимся мы сами (т.е. руководство)? Как обстоит дело с Китаем? В какую сторону качнулся этот главнейший маятник? Или он просто в параличе от неумения и нежелания что-либо решить окончательно? Произойдут ли в результате съезда какие-нибудь важные или просто заметные персональные перемещения внутри самого ЦК? Что будет с Твардовским (“Новый мир”), с Полевым³⁵ (“Юность”) – с двумя главными мишенями черносотенной критики, которая звучит на самом съезде? Ведь они оба – и Твардовский и Полевой – не делегаты! Кстати сказать, в эти дни ходило здесь письмо в президиум съезда с подписями самых широких кругов партийной интеллигенции (весь Институт истории, весь Институт философии, множество писателей-коммунистов, среди философов даже П. Юдин³⁶). Письмо выражает недоумение по поводу того, что Твардовский не делегат съезда. Всё это важно как показатель общего накала в связи с общим положением вещей.

Я это записываю в состоянии тревоги, неуверенности в завтрашнем дне, в том состоянии, которое разделяют со мною очень многие близкие и далёкие люди, и в то же время сам же задаю себе вопрос: надо ли всё это записывать в моём личном дневнике («Мой дом – моя крепость»), стоит ли записывать?

А это сомнение означает, что я сам чем-то смахиваю на Романа Роллана, автора дневников и воспоминаний, которого я осуждал не далее, как вчера...

Нет, без варки в этом огромном, общем котле никак не обойдёшься. Без налипающих при этом предрассудков, без опрометчивых и легковесных суждений и выводов, которые не стоят ломаного гроша, тоже не обойдёшься. Очень хорошо знаешь и никогда не забываешь о том, что любая политика – это грязь, любое прикосновение к ней заставляет так или иначе солгать. Хотя бы тем солгать, что демонстрируешь не пережитый по-настоящему, но повышенный интерес к ней! Тут действует своего рода гипноз, инстинкт стада: как можно остаться в стороне, когда все вокруг «только об этом и говорят!..»

Но я клевету на самого себя!

Нет, не гипнозу я поддался.

Совсем по другой причине я обязан быть в тревоге. Она очень серьёзна. Речь идёт только об одном. О культуре, которой я служу всю жизнь. Которой хочу, должен и умею служить. Право и обязанность служить культуре ещё раз (который раз в жизни) находится под ударом. Речь идёт о моём личном праве и моей личной обязанности. То и другое (как это всегда бывает!) совпадает с такими же правами и обязанностями очень многих, таких же, как и я.

Если снимут Твардовского как редактора “Нового Мира”, то это и для меня личная катастрофа. Если хотя бы в малой степени, хотя бы частично восстановить репутацию и авторитет мрачнейшей фигуры в мировой истории – Сталина – это значит, что вся жизнь нашего поколения решительно не удалась!

Если обнаружится тенденция замирения с китайцами и отхода от западных демократий, то это значит окончательное удушение всего нашего искусства, всей общественной жизни, всей культуры, за исключением, может быть, физики и математики, и то исключительно в применении к задачам войны, которая сразу станет неизбежной! Вот почему не зря я записал всё это. Надо прямо смотреть в глаза жизни, времени, истории.

Раз это уже сформулировано со всей возможной для меня ясностью, без умолчаний и без излишнего красноречия, - то можно двигаться дальше. В этом дневнике (надо сознаться) образовалось много белых пятен. Я многое пропустил – и по лени, и по забывчивости, и потому, что сомневался: на чём, бишь, сосредоточиться...

Ушла из жизни Анна Ахматова. Я о ней даже не упомянул. Чем же я лучше наших газет, которые хоть некрологи напечатали?

Через восемь дней ровно год, как я свалился в инфаркте. Чувствую себя в общем отлично: сердца своего не слышу. Пустое сердце бьётся ровно, в руке не дрогнет пистолет. Зоя держит меня в ежовых рукавицах по-прежнему. И я безропотно выношу это главным образом из любви, уважения и благодарности к ней, а не потому, что убеждён в необходимости такого режима. Мне давно уже необходимо спокойно пожить в Москве, повидать множество разных людей зараз, потолкаться в редакциях, в Союзе. Придёт ли для всего этого срок? – Право, приходится сомневаться.

21 апреля

<...> Первый том моего двухтомника прошёл все стадии, включая Главлит, и должен уже печататься. Второй набран целиком, и вёрстка лежит у меня перед глазами. В обеих книгах 70 печатных листов, т.е. 1120 страниц. Третьего дня вечером ко мне позвонила в панике мой редактор Красноглядова: дескать, книги эти не включены в майский план выхода в свет по той причине, что нет бумаги. Вчера с раннего утра я забил тревогу (будучи в полном отчаянии, что говорю без всякого преувеличения), с трудом дозвонился Симонову и, видимо, разбудил его (было около 8 утра); он обещал позвонить директору издательства Косолапову и в случае надобности – в ЦК. Я тоже постарался поймать Косолапова, и тут обнаружилась некая очень странная вещь! Заместитель Косолапова (тот самый, который ссылался на отсутствие бумаги) немедленно отрёкся от своих слов (с бумагой, дескать, никакой задержки не будет) и свалил всё на редакцию, которая задерживает, тормозит, ещё не подписан к печати второй том и т.д.... Словом, та самая неразбериха, в результате которой так тянется история этого издания...

И мне ясно, что какие-то «тёмные силы» всё же имеются в этих недрах, кто-то один (или несколько) влияют и увливают. Однако, стоит появиться на сцене не то что Симонову, но даже, как ни странно, мне самому, и всё это тёмное улетучивается, как дым.

Зато я узнал и нечто хорошее: мне дан большой (небывалый для меня) тираж: 50 тысяч. В выходных данных первого тома напечатано даже 75 тысяч, но тут я и глазам своим не верю. Это означает неисчислимую уйму денег. Да и не только деньги, но и признание своего рода, т.е. уверенность, что книги могут разойтись без труда. До сих пор утверждали обратное!

В эти московские дни у меня было и огорчение изрядное: встреча с Львом Левиным, чтение им начала (12 страниц) будущей статьи обо мне, которую он предназначил для “Нового Мира”. Это что-то ужасное. Милый и достойный человек, но он решительно ничего не понимает, просто на редкость! Я дал ему рукопись своих воспоминаний, но боже мой, как глупо он её использовал!.. Движимый стихией

поздних раскаяний, я трактовал свою молодость критически, свысока, с прохладцей, а он воспользовался именно этим и развёл отсюда водянистые рассуждения, никак не отвечающие задачам его собственным. Если он так относится к поэту, ему просто незачем писать о нём! Словом, это случай очень нелёгкий, из ряда вон выходящий. Я стал возражать ему, он тут же очень энергично согласился. Но это вовсе не означает, что он не напутает в следующем абзаце.

В Москве Леонид Первомайский, он был у меня недолго и в воскресенье должен сюда приехать. Видел также Майку Луговскую, Олега Лозовецкого (чрезвычайно милого человека!), двух моих сестёр (кстати, сын Мани, Вова³⁷, сегодня стал лауреатом Ленинской премии). Был в Союзе, хлопочу о пенсии, о постановке телефона здесь, о скорейшей установке лифта в Москве, покупке новой машины «Волга», ибо наша – абсолютная развалина, требует непрерывных затрат по ремонту и скоро вообще испустит дух где-нибудь посреди дороги. Без машины мы жить никак не можем. Она стоит шесть тысяч, за эту развалину дадут не больше полутора. Таким образом, надо выложить на стол половину всей своей сегодняшней наличности.

22 апреля

Всё утро я пробыл у Твардовского. Он трезв и в хорошем нравственном состоянии. Длинный разговор с перескакиванием с темы на тему. Он очень умён, и настрой его ума по-настоящему возвышенный: всё хорошо понимает, далёк от какой бы то ни было озлобленности, от мелочности. Симонов не выдерживает сравнения с ним, хотя я и очень люблю и ценю Константина. Оба они – ярчайшие люди одного (примерно) поколения. Впрочем, нет, Твардовский старше на шесть лет, большой пьяница, но повторяю: оба ярчайшие, что только подчёркивает и усугубляет их разность.

26 апреля

Сегодня пришла телеграмма из Тбилиси, из газеты “Коммунист”. Скончался Симон Чиковани. Последние годы он страшно страдал. У него давний диабет, который обострился года три-четыре назад, когда заболела раком груди его жена Марика. Ей сделали операцию в Ленинграде, а в это время Симон был в Москве. От волнения он почувствовал себя настолько дурно, что слёг в больницу. В больнице же встретил своё шестидесятилетие. Я был у него в тот день. В скором времени вернулась после операции из Ленинграда Марика, и оба они, больные, счастливые, бесконечно преданные друг другу старые люди отправились домой, в Тбилиси.

Здоровье их было шатко. Попеременно чувствовали себя немного лучше, и тогда всё вокруг них расцветало надеждой. Но вот около двух лет тому назад Симон начал слепнуть; это было следствием его основной, хронической неизлечимой болезни – диабета. Дело шло всё хуже и хуже и, видимо, оно было безнадежным. Ему сделали операцию, в одном глазу зрение вернулось... на семь процентов! Но он и этому был рад и снова загорелся надеждой. Всё время продолжал работать, писать. Несколько месяцев назад написал мне, что готова тысяча строк новых стихов – целая книга. Два или три его новых стихотворения я перевёл в прошлом году. Это новый

для него по простоте и чистосердечности, личный лиризм – признание в любви к жене, к родному Тбилиси.

Он умер.

Как это произошло, мы ещё не знаем. Среди людей и поэтов нашего поколения он был одним из самых близких и дорогих мне. Он, Бажан, Самед Вургун – всегда эти три имени стояли тесно сплетённые и рядом в моём сознании ещё с начала тридцатых годов. Остался один Бажан.

Симон и Марика (как она будет жить одна?!.) – святые люди. После 37 года она осталась одна из всей большой семьи Элиава, сплошь уничтоженной Сталиным (или Берией³⁸, чёрт их знает кем...). Остались только Марика и маленький мальчик её сестры. Марика воспитала, выходила этого Никушу, Симон был ему больше, чем отцом. Сейчас это взрослый человек, физик, инженер. И второй воспитанный в этой семье мальчик, Зураб, сейчас уже взрослый человек, тоже с точной специальностью.

Можно быть совершенно спокойным относительно второй, посмертной (бессмертной) жизни Симона, всей его поэзии. Она, конечно, остаётся и в Грузии и во всей нашей культуре. Эта книга будет существовать очень долго. А вот человека нет как нет. Нет его доброты, его мужества, его выносливости, его тревоги, его поддержки по отношению к другим – ничего этого больше никогда не будет.

Я подготовил две страницы на машинке «Памяти...» и послал в Тбилиси в редакцию “Коммуниста” и в нашу “Литературную газету”. В первый адрес – по их просьбе, в “Лит. газету” – по своей инициативе.

Я сделал значительно меньше того минимума, который диктовало мне чувство. Сделал наспех, не собрав головы. Но разве могло быть иначе? Да и вообще – кто знает, как именно должно «читать память...». Может быть, уже одно то обстоятельство, что почитание происходит публично, в печати, есть оскорбление для ушедшего!

3 мая

Что касается двухтомника, то в конце апреля возникла новая тревога, которая опять заставляет предполагать общее неблагополучие в недрах Гослита. Произведена ещё одна калькуляция и оказалось, что в двух томах больше строк, чем указано в договоре – на 450 строк больше. При нынешних бюрократических порядках это считается недопустимым. Значит, изволь, сокращай. И снова я написал письмо директору Косолапову с просьбой сохранить этот излишек (меньше 2% общего объёма двух книг!..), и снова жду решения.

Самое главное в том, что вся эта канитель (серьёзно и в который уже раз задерживающая печатание!) – есть результат предыдущей неряшливой, недобросовестной калькуляции. Тут можно и совсем с панталыку сбиться, не то что голова закружится!!! <...>

У меня мысль о коренной перестройке сказки (Копьетряс и Шекспир): полный отказ от сюрреалистического конца, всё – т.е. все мысли, все обертона уместить в ночную встречу в лондонской таверне – но... но ввести ещё одно важное действующее лицо в повествование – ГАМЛЕТА: действие-то происходит в 1600-1601 году, т.е. в том же году, когда был написан Гамлет.

18 мая

Опять огромный и решительно не восстановимый перерыв: больше, чем полмесяца. За это время я дня три пробыл в городе, а остальное время здесь на Пахре. Причём проболел: и температура была, и всё самочувствие неважное. Это был тягучий грипп с обыкновенными признаками вроде ломоты рук и ног и т.д. Записывать об этом противно. <...>

Кроме того, в Москве я прочёл статью Л. И. Левина. Хотя она полна самых добрых намерений и чувств, но просто на редкость неинтересна, поверхностна. Ни одного живого наблюдения, ни единой оригинальной мысли. И множество мелких ляпсусов, которые даже и выправить невозможно. Так что в этой области – большое разочарование. Мне жалко огорчить Льва Ильича, он милый и достойный человек и, наверно, очень старался сделать доброе дело.

Кроме того, в Москве же я сдал в издательство исправления в книге переводов, и она без сверки подписана к печати. Гослит заказал мне вступительную статью к двухтомнику Блока и, кажется, двухтомнику Марины. За то и другое я возьмусь с величайшей охотой и старательностью, конечно! Апрельская книжка “Нового мира” должна выйти не сегодня – завтра, и в ней – моя статья. Кроме того, уже вышел сигнал огоньковской книжки.

За это время лежания и сидения я прочёл Матъеза³⁹ в трёх выпусках малого формата (в каждом страниц 220). Для какого читателя, для чьей нужды это ни было бы предназначено, вот идеальный учебник, учебное пособие, справочник, схема с широчайшим историческим охватом и широчайшей осведомлённостью, которая угадывается за этим текстом. На шестистах страницах рассказана чрезвычайно драматическая история (историческая драма) пятилетия от 1789 до 1794 гг. (до 9-го термидора). Рассказана толково, ярко, популярно, но ничто не принесено в жертву этой популярности. Кроме того, всё подчинено одной системе взглядов: точка зрения самого Матъеза господствует полностью. Он не выставляет её впереди себя, впереди изложения, просто она естественна для него, как владение родным языком.

У нас решительно никто не умеет, да и не умел никогда так писать, может быть, за исключением Тарле. Но ведь Тарле тоже француз! Во всяком случае, по школе и по основным устремлениям.

А вообще историки делятся на скучных специалистов и дешёвых популяризаторов, вульгаризирующих науку. Те и другие пишут одинаково плохо и скучно. Те и другие одинаково подчинены стандартам обязательного «социологизирования». Поэтому у них не может быть и речи о создании исторической драмы, т.е. того единственного, чем вообще поучительна история, ради чего следует воскрешать прошлое человечества и отдельных людей. Это важнейшее «ради чего» забыто до такой степени, так основательно и безнадежно, что, например, исторический факультет МГУ может выпустить хороших археологов, знатоков летописи – и ни одного Ключевского!!

23 мая

20-го, в пятницу, приехал Саша Межиров, пробыл два с половиной дня и вчера утром уехал. Он недавно вернулся из туристской поездки во Францию, в Париж, и полон впечатлениями, которые даже и не умеет ещё выразить в словах.

«Я никогда не верил в так называемое равенство, считал его недостижимым. А там оно – живая реальность. Профессор Сорбонны может обо всём говорить с уличным мусорщиком. У них один язык!». « Вот где труд действительно дело чести и доблести. Как легко и с каким удовольствием каждый делает своё дело! И никогда им не гнушается».

Он привёз много стихов (не из Парижа, а написанных вообще за полтора года – ведь мы очень давно не видались...). Среди них есть и замечательные. И ещё и ещё раз обнаруживается необходимая для него (через 25 лет!) оглядка на войну. Из этого круга он и не должен выходить.

Вообще же Межиров человек вполне замечательный, который уже и сейчас явственно перешагнул и обошёл всё своё поэтическое поколение. Его нельзя сравнить ни с Лукониным⁴⁰, ни с Дудиным⁴¹, ни с Наровчатовым⁴², ни с кем другим из сверстников. Он весь в поэзии, в самых высоких и ответственных её токах.

Но <...> его отношение к младшим (к Евтушенко, Ахмадулиной) было бы необъяснимо или наводило бы на самые грустные и дурные догадки («зависть» и так далее), если не предположить психоза, на который издавна способен этот слишком впечатлительный и вот уже двадцать с лишним лет травмированный человек. Что он именно такой, я догадался очень давно. Да иначе и не могло случиться с ним, чуть ли не с семнадцати лет хлебнувшим войну, фронт и передний край...

Его психоз мог бы оказаться и худшим, чем эта слепая и безрассудная, бестолковая, брюзжащая ненависть к поэтам, о которых он сам так недавно отзывался восторженно. Что-то сломалось в нём, исказилось, искалечилось. За два дня мы несколько раз были на краю крупного разговора, который грозил плохо кончиться, так что приходилось обрывать его. Поэтому я не очень ясно вижу размер его заблуждения и очень хочу надеяться, что это временное затмение.

Вообще же его суждения и оценки поэзии и поэтов таковы, что к ним всегда стоит прислушаться. Анна Ахматова для него несравнимо выше Марины, в которой он видит плохо управляемый темперамент и полное отсутствие мировоззрения. Очень высоко ставит Смелякова (тут я готов согласиться: несколько последних стихотворений были изумительные!)

Я считаю, что у Межирова не вкус безупречен, а нечто гораздо большее и гораздо более важное. Его обычное (во многих случаях) возражение с усмешкой: «Да разве это искусство?» – стоит очень недёшево. У него безошибочный инстинкт (врождённый) на мировое, на гениальность.

Вышел апрельский номер “Нового мира”. Моя статья о Марине уже разошлась по тысячам рук и оценок. Начинают доходить очень хорошие отзывы. Если я в чём-нибудь и преувеличил значение Марины, то и слава богу, на меньшее никак нельзя было пойти. Здесь замешано слишком многое. Мне кажется, что Твардовский это очень хорошо понял с самого начала, дай ему бог здоровья. Да и не он один.

25 мая

Вчера весь день пробыла у меня Кипса, а Зоя ездила в Москву. Кипса приехала со своей дачи на Истре. Она там с 18-го, потому что Катюшу как пятёрочницу и четвёрочницу отпустили из школы среди других таких же, как она, раньше, чем неуспевающих, а эти малютки-бедняжки учатся ещё до 28-го. Это очень глупое нововведение в средней школе. Спрашивается, чему можно научить восьмилетних детей за эти две лишние недели, если в течение года не смогли это сделать? Зачем сеять рознь в детях с самого начала? Ведь успеваемость у этих малюток – результат не старания, не особых способностей, а того, что они росли в более культурной семье и вообще лучше ухожены и воспитаны. Словом, здесь, как и всегда и во всём, непродуманные «реформы»: чего моя левая нога хочет. Дело, конечно, маленькое, не стоящее больших забот, но и в нём, как в капле воды...

Кипса привезла последние шесть листов сверки второго тома, но оказалось, что их нужно тут же спешно проглядеть и немедленно вернуть в Гослитиздат для дальнейшего прохождения! Наконец-то их залихорадило! Но полагаться на такое рвение нельзя даже сейчас. Кроме того, Кипса привезла сигнальный экземпляр огоньковской книжки. И, наконец, письмо от Эткинда.

В самое последнее время вышли ещё два романа – «пасквиля», по-своему продолжающих знаменитую «Тлю»⁴³. В одном из них (вышел не где-нибудь, а в “Советском писателе”...) под разными диковатыми фамилиями выведены и Твардовский, и Пастернак, и Евтушенко. Всё это написано в ёрнически-лакейском стиле, мало сказать неграмотно, но вообще вне каких-нибудь норм приличия. В другом романе выведен некто Семён Семёнович Сергеев, под коим разумеется Сергей Сергеевич Смирнов. Этот персонаж живёт чужой воинской славой, делает на этом карьеру.

Так протекает по нынешним временам литературная борьба. В появлении этих ужасных книжек – косвенный признак того, чего ждали эти люди от XXIII партсъезда. Правда, они этого не получили сейчас, немедленно, вынь да положь, но продолжают работать в том же направлении и делают своё дело безнаказанно.

Серию таких выступлений в литературе начал несколько лет тому назад ещё Кочетов «Братьями Ершовыми». Так возник этот новый (в советской литературе) жанр: роман-пасквиль. У него были предшественники в XIX веке: Лесков, Писемский⁴⁴, а ещё раньше Сологуб⁴⁵ со своим «Высшим светом» и злобной карикатурой на Лермонтова. Интересно проследить развитие этого «жанра». Очень поучительно!

Читал эти дни роман Стефана Гейма⁴⁶ – на этот раз исторический: революция 1848-1849 гг. в Германии; действуют в нём, между прочим, Энгельс, Маркс и другие подлинные персонажи. Роман искусственно построен в начале, но интересный, в нём не внешняя эффектность, а драматизм самой истории.

27 мая

<...> Я дал Дементьеву несколько своих стихотворений, набрал их с бору да с сосенки, хвалиться нечем. Это стихи разных лет и в общем самого среднего качества. Обидно выступить с ними не только на страницах “Нового мира”, но даже

внутри этой редакции. И всё же я решился на такое дело, потому что и Дементьев и Твардовский считают нужным напечатать что-нибудь моё в июле. Но если стихи не пройдут, я буду только доволен. <...>

30 мая

В течение одного сегодняшнего дня произошло два важных для меня события:

1) Я узнал, что II том без всяких помех сразу прошёл в Главлит и, значит, уже тоже в типографии и печатается.

2) Миша Матусовский привёз мне вечером сто штук огоньковских книжек.

Насчёт первого я всё время серьёзно беспокоился, особенно за «Невечную память» и за «Вариант Фауста». Либерализм цензуры соответствует общему направлению литературной политики (очевидно...) по той или другой причине; именно такое направление вырисовывается на наших глазах. Оно во многом. Один из его косвенных признаков – публикация в “Литературной газете” китайских материалов: жалкого и ужасного выступления Го-Можо⁴⁷ и совершенно анекдотической статьи «О продаже арбузов» из Женьминжибао. Понять эту публикацию можно только в том смысле, что демонстрируется идиотический догматизм китайцев, их убожество, идейное и всяческое. До сей поры такой демонстрации у нас не было. Мы смиренно отмалчивались, снося и бешеную ругань и прямые оскорбления китайцев. Надо сказать прямо: печатание такого рода материалов – очень умный способ полемики с китайцами.

Говорят, в театре ЦДСА с огромным успехом идёт «Смерть Ивана Грозного» старика А. К. Толстого⁴⁸: многое на сцене звучит прямой аналогией с последними годами Сталина. Услышав об этом, я перечёл трагедию, потом взялся за прозу А. К. Толстого и, наконец, за его письма.

Это был прелестный, совершенно недооценённый, не раскрытый в литературоведении Писатель и Человек (второе важнее первого). Автохарактеристика «Двух станов не боец, а только гость случайный» продиктована специфическими русскими условиями эпохи 60-х годов. Она неверна, во всяком случае не исчерпывает сложного и вполне индивидуального характера этого случая. Какой у человека подвижный, ясный, весёлый ум, какой милый характер, как он лёгок в своей работоспособности. Скажу прямо: ни на ком другом я не вижу такого отчётливого отсвета пушкинского света и пушкинской внутренней свободы, как на А. К. Толстом. <...> А. К. Толстой и не заикался о таком желании, его претензии были удивительно скромны (кажется). Во всяком случае, это был очень хорошо воспитанный человек, без выкриков, без виляния, без насады и без фальши.

1 июня

Получил сегодня несколько писем сразу. Среди них от Али Ефрон⁴⁹ и от Эткинда, оба – отклики на статью. Аля в подарок за статью выписала старинную запись матери обо мне. Там много напутано: наше знакомство отнесено к 1917 г. (на самом деле – 1918 г.), я превращён в гимназиста и т.д. Но запись очень взволновала меня. И я ещё раз порадовался и загордился тем, что статья существует. Эткинд

многое понял в ней такого, что мне только мерещится. Он уловил важность и новизну темы «пространства и времени». Предлагает расширить обзор «от Пушкина до Блока».

По предложению Гослита я составил свою избранную книжку на 700 строк: такую форму «антологии» изобрели для юбилейного 1967 года. Не могу сказать, чтобы мне это очень нравилось, но ничего не поделаешь. Я предложил два варианта своего сборника: первый – одна только поэма «Сын», что было бы вполне естественно. Правда, в ней не семьсот строк, а восемьсот двадцать, но зато всё пойдёт в подвёрстку, так что на одном печатном листе уместится. Второй вариант – маленькая «Хрестоматия» историко-революционной темы, начиная отрывками из «Коммунистического манифеста» и вступлением к Коммуне 71 г. и далее через 14-й и 17-й годы вплоть до 12 апреля 61 г. В этом втором варианте пришлось много сжимать, укорачивать и т.д., но такая книжка имеет всё же некоторый смысл. <...>

9 июня

Здесь большой перерыв. Но за эти девять дней ничего не произошло за исключением одного, и это надо записать в подробностях. Дело в том, что на большом собрании (партийном, дело происходило после съезда) Михалков, докладывая между прочим о письме 63 писателей по поводу дела Синявского, сказал о том, что я «снял свою подпись». Какие у него были основания? Он плохо понял меня по телефону. Разговаривая долго по этому поводу, Михалков, между прочим, сказал: «Ну, конечно, ты добрый человек». На что я тут же ответил: «Ну нет, я старый человек, коммунист, и о том, что ты мне сейчас сказал, я должен буду серьёзно подумать...» Вот и всё.

О заявлении Михалкова (т.е. о том, что я снял якобы свою подпись) сразу стало известно по всей Москве. Услыхали об этом и Зоя, и Кипса. Они, мой ангелы-хранители, тщательно скрыли это от меня. Это было сравнительно легко, поскольку всё это время я не выезжал из Пахры и к тому же болел. Зоя и Кипса написали Михалкову очень горячее письмо, утверждая, что я не мог снять свою подпись. Интересно, что в таком же положении оказались Копелев и Шатров⁵⁰; о них Михалков сказал то же самое, что обо мне, и оба немедленно его опровергли. Михалков откликнулся на письмо Зои целым посланием. Обо всём этом Зоя рассказала мне только третьего дня.

И тут я убедился в том, с какой зверской силой работает мой инстинкт самосохранения, как он живо «срабатывает» и отодвигает куда-то в сторону всё, что может взволновать, вывести из равновесия, всё, что заставляет сердце биться чаще, чем положено. И мне такая работа инстинкта кажется чем-то постыдным в моём возрасте.

Третьего дня была здесь весь день Кипса. Вечером приехал Карло, и мы всей компанией двинулись к Симоновым. А вчера утром Россельсы привели Эткинда. В Москве В. Орлов и в воскресенье 12-го должен приехать сюда. Вчера вечером были Вавочка с Колей.⁵¹

Я снова пробавляюсь тем, что взялся за Ключевского и, как всегда, считаю, что это самое полезное, самое насущно необходимое чтение для каждого русского человека. Это чтение на каждый день буквально. Потому что роковые, страшные

черты русской истории неискоренимы! И надо всегда восстанавливать перед глазами, держать в сохранности панораму по крайней мере пятисотлетней длительности. Не скажу, что она прекрасна, что она с чем-нибудь примиряет, – наоборот она вселяет в душу окончательное отчаяние, ощущение полной безвыходности, но именно это и полезно для души, для памяти, для сознания.

12 июня

Сегодня шумный и прелестный день. В 9 часов утра приехали Володя Орлов и Карло Каладзе, Зоя при этом укатила в Москву получать пенсию себе самой, своей маме и Варе. Она скоро вернулась. До её приезда мы втроём почитали стихи, сходили к Фишам (на именины к их внуку), много раз снимались. К обеду, в полтретьего, Зоя вернулась с Майей Луговской. Ещё к Фишам пришла Белла и произвела, конечно, сильнейшее впечатление – и стихами и просто собою – на Орлова. Она была в хорошей форме и совершенно трезва. Когда через час-полтора она явилась к нам, то уже всё было наперекосяк, она успела невероятно напиться с Ксенией Нагибиной и превратилась в собственную, глупую противоположность. И это ужасно.

Через какое-то время она ухитрилась привести к нам Твардовского, который хотел тащить всю компанию к себе. Но, увы, Майка и Орлов уже собрались в город. Орлов вечером должен ехать в Ленинград, а было уже 8 ч. вечера. К Твардовскому пошёл Карло, и Зоя извлекла его к нам часам к десяти, чуть позже. Он ночует на моём диване. Сейчас уже утро 13 июня, и я кончаю запись, которая получилась сухой, скучной, беглой и не передаёт хорошей стороны очень хорошего дня.

23 июня

Всё реже и реже заглядываю я в эту книгу живота! И тут несколько причин: первая – приближается моё семидесятилетие, 1-е июля, и мне представляется, что писать зря, какие-нибудь мелочи обидно: надо, дескать, нацелиться на какой-то особый, итоговый лад. Это, конечно, ошибка. Вторая причина – жара и чудеса этого расцветшего окончательно лета, наш сад. Третья причина, самая главная – писать-то нечего, ничего, собственно, не происходит! Но вот сегодня с утра был у меня Лёва Левин, разговор уже не о статье его, которая будет напечатана в июльской книжке “Нового мира”, а о будущей книге, за которую он, наконец, решил взяться всерьёз. Не знаю, что из этого выйдет, и вижу ясно, до чего он осторожный человек.

Кроме того, совсем неожиданно прикатили ко мне Ярослав Смеляков и Серёжа Васильев. И тут уже разлитое море разговоров об юбилее (состоится ровно через неделю) и в сущности больше ни о чём. Зои всё время не было, она уехала в Москву, и это удача, потому что она совсем сошла бы с ума при виде этих неожиданных гостей.

Не могу сказать, чтобы я устал в результате. Нет. Меня всё время сопровождает крайняя несобранность, и поэтому всё, что происходит рядом, кажется чем-то несерьёзным, неглавным, трын-травой – как будто сидишь на транзитной станции в ожидании поезда, а уж он-то повезёт в нужное и важное место!.. Состояние ничем не оправданное и ложное.

Но на Зою навалилась тяжесть этого несчастного 1-го июля. Мы так и не можем точно сосчитать, сколько же у нас будет гостей, и действительно это остаётся неясным. Надо быть готовыми к очень большому количеству, т.е. заготовить и угощение, и выпивки, и посуду, и стулья, и т.д. Зоя мучается и уже заранее боится всего, что будет в тот день, в том числе и за моё здоровье. Хотя по правде сказать, за неё следует бояться больше: она крайне измучена, издёргана, курит (а я нет), пьёт водку (а я нет) и у неё снова признаки стенокардии. То, чем она страдает, чем больна, называется нервное истощение. У неё даже голос сел. Можно было бы уехать от юбилея. Но в сущности уехать некуда. Потому что многие потянулись бы за нами, куда бы мы ни уехали, а другие – ждали бы нас всё равно по возвращении.

Между Зоей и мной разница та, что я всё, что угодно, переношу легко, а она всё, что угодно, даже хорошее, трудно. Конечно, сейчас тяжесть поездок в Москву, закупок и вообще хозяйственного устройства лежит только на ней, на её слабых плечах.

Но ведь кое-какая, менее осязаемая, но веская, тяжесть и на мне лежит. Мне тоже приходится «с горем в пиру быть с весёлым лицом, на погибель идти – песни петь соловьём», и это далеко не в первый и не в последний раз, а вот уже двадцать четыре года. Я ничего не преувеличиваю. Ко мне каждую ночь приходит Вова. Он, как всегда, молчит, молчит, молчит. Он ни в чём не изменился. Ему по-прежнему восемнадцать лет.

27 июня

Были из телевидения, я читал в саду, на берёзовой скамейке «Маяковского» и первую часть «Пикассо». Завтра в 6 часов вечера должны это передавать, и сказать по правде, я волнуюсь и боюсь: каким окажусь на экране, не слишком ли переорал и т.д. Ещё очаровательное письмо от Али Эфрон: после моей статьи о её матери у нас энергично возобновилась переписка. Я отдал Серёже Васильеву (для «Октября») сказку о Шекспире – итога четвёртая проба печатать эту вещь («Звезда», «Новый Мир», «Литературная Россия» уже были...). Думаю, что и на этот раз не выйдет.

Вчера у меня очень недолго был Саша Межиров. Вот что интересно и знаменательно! Он шёл по жизненному пути ровно, строго, незаметно, вернее же, его не замечали. И вдруг, как разрывается в течение ночи почка цветка и сразу набухает огромный и яркий ворох лепестков, как гадкий утёнок превращается в лебедя, так мой Саша сделался знаменит, оказался в центре внимания очень многих людей. О нём великолепная статья в газете «Московский комсомолец» – отклик на другую статью в «Знамени». Согласно какой-то анкете в Институте мировой поэзии он прошёл одним из первых по популярности среди десяти лучших советских поэтов (Блок в ней исключён за бесспорностью). Его стих изучают лингвисты-кибернетики. Словом, со всех сторон сыплется сигналы признания, славы, высокой оценки. Он пришёл к уровню высшего круга растущего поколения. Это не популярность новичка, не сенсация, а нечто большее и лучшее.

Тут же, без перехода хочу отметить, что недавнее стихотворение Андрея Вознесенского «Помогите Ташкенту» нравится мне больше всего, что он написал до сей поры.

И ещё без перехода – у Смелякова замечательные стихи об Анне Ахматовой, и до них было несколько очень хороших стихотворений: «Язык», «Меньшиков». У него особое дарование: в тяжести, вескости, весомости, взвешенности слова, от строки к строке цепь опущенных, подразумеваемых, всегда угадываемых ассоциаций. И вот он твёрдо ведёт за собой хорошего читателя, лишь бы не дурак попался, а ведь это хоть и редко, но случается на нашем пути!

Из того послесловия, которое я было написал к двухтомнику и которое опоздало ко второму тому (к счастью) я сделал некое подобие статьи, назвал её «Некоторые итоги». Кажется, из неё вышел толк, и я хочу отдать её либо в «Литературную газету», либо в «Литературную Россию» вскоре после юбилея. У неё есть и варианты, которые именно сегодня (при разборке хлама на столе) попались мне на глаза. Так что, видимо, буду ещё вшивать в неё клинья. При доделке, кажется, я совсем уберу предпосылку о себе, о своём возрасте, о том, что это итоги моей работы и пути. Статья будет вообще о поэзии. Т. е. тем более итоговая.

28 июня

В пятом номере «Нового мира» вышла повесть В. Катаева⁵², которая, говорят, сильно изуродована цензурой, между прочим и потому, что какой-то персонаж сильно смахивал на Михалкова и был изображён с большой силой и яростью. Я читал повесть с сильнейшим желанием, чтобы она мне понравилась. И действительно, Катаев на старости лет сделался по-особому и по-новому талантлив, интересен, даже, может быть, и своеобразен.

И всё-таки вещь совсем не нравится мне. Это потуги быть таким как все лучшие люди XX века: Кафка, Джойс⁵³, Булгаков, Олеша. Катаев интересно интерпретирует в отношении пространства и времени релятивизм Эйнштейна и, может быть, эта интерпретация – самое интересное в повести. Он как писатель и художник по-молодому увлечён новой для прозаика и романиста возможностью. И всё-таки вещь неправдивая, вымученная, пеньё горлом, не своим голосом. Уж очень смахивает на «Призраки» Тургенева и на «Довольно» его же – и значит, на пародию Достоевского в «Бесах». Сравнение, конечно, крайне обидное для Катаева, но оно само приходит в голову.

Вчера вечером приехал сюда Л. Первомайский. Он, как и обещал, будет на моём дне рождения, но у него есть и дела в Москве: кино. Кажется, приедет и Савва Головановский.⁵⁴

Сегодня я, наконец, после чуть ли не трёхлетних недомоганий закончил моего «Кота в баснях». Так ли закончил, как надо? Это по-прежнему неясно. Мне с юмором решительно не везёт. Хотя в жизни его хватает всегда. В стихах мешают школярская тяжесть, органическое неумение намекнуть легко и тут же отвернуться, ловко и непринуждённо сфортелить. Я жму и ломаю хрупкие предметы. А переучиваться как-никак поздно! <...>

6 июля

Ну вот и юбилей мой, и всё, что с ним было связано – и счастливое, и трудное, и хлопотливое, и шумное, и утомительное, и весёлое, и печальное, и всякое прочее, – всё это прошло и стало прошлым.

1-го сего месяца ещё утром пришли Константин Симонов, Лариса, Карло Каладзе, мать Кости Александра Леонидовна. Симонов, как обещал, нарочно прилетел из Сухуми, привёз 20 литров молодого вина в глиняном кувшине и поросёнка. Так начался этот день. Кипса уже была у меня. Пред тем, минут за десять, пришли Ксения Нагибина и Яков Семёнович, но при виде Симоновской компании немедленно исчезли. Ближе к вечеру приехали Лозовецкий и Лидия Михайловна (которая привезла два экземпляра сигнала первого тома). Несмотря на наши энергичные просьбы остаться на вечер, они быстро улетучились – как мне кажется, из какой-то ложной деликатности. Однако, Олег Лозовецкий потом вернулся с женой. К семи часам аккуратно «гости съезжались на дачу», причём и пахринцы и приезжие съезжались скопом, трудно определить, кто вслед за кем. Были все решительно, кого мы звали и ждали, за исключением одного Ярослава Смелякова, который, оказывается, в Монголии. Но его жена, Таня Стрешнева, была с сыном. Еды было невероятное количество и до сего дня мы её никак ещё не доедим.

По отзывам, которые доходят ко мне, все остались довольны. И поэтический праздник тоже был: Булат Окуджава спел несколько песен, Белла читала свою «Елабугу» и ещё что-то, Женя Евтушенко – несколько затянутое стихотворение на смерть Ахматовой, Константин – два новых крохотных перевода из Киплинга⁵⁵, Рита – главу из «Твоей победы», я прочёл Басню про Кота, это было кстати, и первую сказку про Орфея – совсем не кстати.

Пили гости вообще изрядно, но если и были пьяны, то в «пределах». Лёня Первомайский хорошо веселился. То же самое Россельс и многие другие, которые мне бросились в глаза. Даже Белла и Галя Евтушенко (правда, по специальной просьбе Зои) были более, чем приличны, лишнего себе не позволили. <...>

До того, ещё днём приезжал Володя, шофёр Майки, привёз от неё букет чайных роз; и тут же вслед за ним пришёл Саша Твардовский. Увы, это его тяжёлый, если не ужасный период. Он является только затем, чтобы хлебнуть спиртного. Надо ему немного, но при этом он тут же теряет человеческий облик, и сам это чувствует, быстро уходит на прямых ногах, глядя прямо перед собою белыми глазами.

Был ещё в тот сложный день и парень из “Комсомолки”, привезший номер газеты со статьёй Лёвы Озерова⁵⁶. И ещё был кто-то, не помню. «Пресса» у меня была такая, что дай боже! В “Литературной газете” – Межиров и Субботин,⁵⁷ в “Литературной России” (кажется, это выдумка Кости...) – целая подборка: он сам, Матусовский, С. Васильев, Рита Алигер, в “Комсомолке” – Озеров, в “Огоньке” – некая Цветкова. Говорят, есть что-то и в “Московской правде”. Предстоит и в “Новом мире” в июньском номере, причём Твардовский решил специально напечатать на особой бумаге до выхода журнала и статью Левина и мои стихи – всё это прислано в папке, как адрес, с его милым обращением.

И при этом – при полтора часа телеграммах – напряжённое молчание писательских организаций – Московской, Всесоюзной, РСФСР-овской. Насчёт последней – мне совершенно наплевать. Но Москва, но правление СССР!.. В чём

дело? Неужели в моей подписи насчёт Синявского и Даниэля? Если так – то я лишний раз доволен тем, что не снял своей подписи! Значит, это действительно важное дело, которое всерьёз задело кое-какие «круги», ну так им и надо.

А говорят, что в результате этих несчастных писем (их было несколько) сама собою притупилась острая реакция со стороны прогрессивных людей на Западе. Иначе говоря, наши письма сослужили хорошую службу нашему руководству! Но наши идиоты и тут ничего не понимают.

Как там ни верти, но я со своего счастливого и важного (для меня) дня нечаянно свернул на вечную тему, от которой решительно некуда деться. Было время, она (эта тема) называлась Пастернаком, Дудинцевым⁵⁸, потом Бродским, сегодня Синявским. Есть и ещё уместные для этих воспоминаний имена.

Очень много хороших писем и телеграмм: от Эренбурга, К. Чуковского, Берггольц, Каверина, Али Эфрон, Марины Чуковской⁵⁹, от Брауна и Комиссаровой, от Эткинды... Всех – более полутора ста...

11 июля

Первого числа, рано утром, я начал записывать, без большой надежды на продолжение и удачу, что-то вроде: «В моей памяти вмещены семь летящих десятилетий непомерной величины...». Начал, оставил, забыл, вспомнил через день или два и уже не мог отстать – пошли строки и строфы. Много ушло из корзины в мусорный ящик. На столе осталось штук семь черновиков. Сегодня перепечатал сто двадцать две строки «Повести временных лет», что-то вроде первой главы этой повести. Кажется, её можно и должно продолжать.

Если разобраться, откуда пошло такое трудолюбие и такая работоспособность, то я догадываюсь: пошли они от статей к юбилею, от волнения, которое вызвало эти стихи во мне.

Когда меня ругали, изобличали, сводили на нет и хотели совсем уничтожить в сорок девятом году, я сел за поэму «В переулке за Арбатом», и это было спасением для меня, оправданием всего прошлого и обоснованием будущего. Сейчас сложилась картина обратная, но самый феномен – оглядка назад, желание вместить времена и сроки в чём-то цельном, сжатом и окончательно сформулированном – этот феномен тот же, что в сорок девятом году.

15 июля

Кажется, что первую главку этой поэмы я действительно хорошо кончил. Правда, после 11-го продолжал работать и вставил некоторые новые куски. Но величина её прежняя: 132 строки.

Вчера весь день был у меня поэт Игорь Кравченко, врач-моряк из Владивостока. Ему 30 лет. Он хороший парень и поэтические задатки у него тоже настоящие. К сожалению, очень плохо знает язык и не задумывается об этом. Когда я ловлю его на таком незнании, он сразу пугается: озадаченный, взволнованный, смотрит как баран на новые ворота, но быстро забывает своё потрясение. <...>

26 июля

20-го исполнился год с моего выхода из Боткинской больницы. Казалось бы, пора сказать «вольно» и вести лёгкий образ жизни. Так нет же, Зоя по-прежнему держит меня в ежовых, и то ли я привык, то ли не хочу её огорчать (это вернее всего), но смиренно подставляю голову под ярмо – вроде того, как наш Боцман смиренно подходит к будке и даёт посадить себя на цепь. Зрелище очень поучительное.

Перечёл «Глазами клоуна» Бёлля (по-прежнему нахожу, что я чем-то похож на героя). Сейчас взялся за Ремарка⁶⁰ («Чёрный обелиск»). По-прежнему, несмотря на застарелую недоброжелательность к немцам (ко всем), несмотря на всяческое пристрастие к французам и уважение к англосаксам, я всё-таки с наибольшим интересом и заинтересованностью отношусь к немецкой прозе – послевоенной, к немецкому образу мышления.

По-прежнему я думаю, что политическое и военное поражение дало немцам возможность наибольшей духовной свободы, наибольшей смелости в переоценке всего на свете. Так было в ту войну, так и сейчас. Конечно, я говорю о таких немцах, как Ремарк, Брехт, Толлер, Кайзер, Газенклевер⁶¹ – в ту войну или как Бёлль – сейчас. Какие ещё есть немцы, равные или близкие ему, плохо знаю.

У нас после первой войны были такие люди: Булгаков, Зощенко⁶², А. Платонов, Пастернак, отчасти Хлебников, Марина, Заболоцкий. После второй никого не оказалось.

31 июля

Вот и кончился этот месяц, значительно более шумный и людной, чем многие предшествующие. Но всё же я успел (тоже в противоположность предшествующим) кое-что сделать: первую главку поэмки. Думаю, что в основном она удалась и, значит, дело вообще пошло на лад, т.е. что я буду продолжать вещь.

Третьего дня приехали из Московской организации писатели с адресом – М. Львов, В. Соколов, Царёв (из бюро пропаганды) и всё та же Любавская (из “Московской правды”). Что и говорить – делегация весьма жалкая. Но тут же подъехал С. Васильев, тоже не лучший друг, но всё же человек мне в конечном счёте симпатичный и близкий.

На этом, я полагаю, закончилась вся юбилейная часть бытия и быта. Возвращаться к чему-либо подобному нет никаких оснований. Ещё в течение нескольких месяцев я воздержусь от всяких устных публичных выступлений, но в печати ни за что не воздержусь. Кстати, в “Литературной России” уже напечатана моя статья, я ещё не видел, как она выглядит. <...>

Прочёл – перечёл – два романа Ремарка: «Чёрный обелиск» и «Жизнь взаимы». Положительно, немецкая проза нужна мне. Ремарк, может быть, вообще самый замечательный и значительный писатель XX века. «Что такое длинная жизнь? Это длинное прошлое». («Жизнь взаимы»).

Я читал оба романа во второй раз, наткнулся на свои же карандашные пометки, но читал как будто впервые, столько нашёл нового для себя, чрезвычайно важного. Но хочу к этому ещё вернуться в дневнике. Это только предварительная, наспех сделанная запись. Вернуться необходимо!

5 августа

<...> Сегодня приехали с фабрики звукозаписи, и я записал выступление о Багрицком⁶³, прочёл конец его «Последней ночи». Записал и новое: главу из той вещи, о которой уже упоминал здесь – «Повести временных лет». Написал также для «Комсомольской правды» статью о поэзии молодых. Это заказ редакции. Что получилось, неясно мне. Но совсем уже неясно, как отнесётся к статье редакция!..

Больше ничего не было. Писать – не пишу (т.е. не сочиняю), хороших книг не читаю, потому что их не вижу. Каждый вечер шарю глазами по своим полкам – а вдруг, дескать, замаячит какой-нибудь привлекательный корешок. Так нет же. Но в этом виноваты не полки, а я сам, моя растерянность или потерянности. В другие времена прицел у меня был счастливее, потому что зорче. <...>

Сейчас начал листать старые записи и сходу обнаружил, что шесть папок моего двухтомника были сданы в Гослитиздат 15 марта 1965 г., т.е. семнадцать месяцев тому назад. Сегодня отпечатан весь тираж первого тома, а второй, подписанный к печати уже более двух месяцев назад, ещё и не начат печатанием. Никаких внятных причин такого положения нет и не может быть. Никогда в прошлые годы в Гослитиздате не было такого беспорядка, такой безответственности и такой растерянности. Решительно никто ни за что не отвечает. <...>

8 августа

Сегодня получил, наконец, письмо от директора Гослита Косолапова, его ответ на моё недоумение по поводу задержки II тома. Он ссылается на то, что двухтомник и по плану должен выйти в III квартале (который и начинается «только 1 июля»), т.е. что обещание (данное давным-давно) выпустить двухтомник к юбилею было ничего не стоящей любезностью. Кроме того, утверждает, что сигнал II тома будет к 15 августа. Верю я этому обещанию очень мало.<...>

14 августа

Вчера, наконец, я достал у Геннадия Фиша и прочёл в один присест книгу Гароди о реализме, о которой у нас столько говорили, но не решились издать, что, конечно, чрезвычайно глупо. Книга называется «О реализме, который не знает границ». Название переведено нескладно, но, видимо, точно. Она посвящена трём разным людям: Пикассо⁶⁴, Сен-Жон Перс⁶⁵, Кафка.

Признаюсь в том, что сильно разочарован. Всё предприятие, затеянное и осуществлённое в этой книге, вся перестройка понятия реализма применительно к искусству XX века, к его величайшим представителям – это предприятие и эта перестройка в сущности не нужны. Выходит, что всё на свете сводится к термину, к терминологии. Почему же так необходимо сохранить в совершенно иных исторических условиях этот термин XIX века, это исторически вполне ограниченное явление в искусстве – реализм? И на этот вопрос в книге ответа нет. Вместо ответа приводится клятва в верности марксизму и историческому материализму. Иначе говоря, преданность реализму выводится как нечто само собою разумеющееся из

преданности материализму. Но нужна ли такая тесная связь и непосредственная зависимость между тем и другим? Это совсем не доказано.

Если убрать эту претензию, то книга теряет свой боевой, отчасти полемический характер и превращается в три очерка об явлениях европейского искусства первой половины XX века, отобранных на основании авторского пристрастия, и главным образом потому, дескать, что Гароди (он об этом сам упоминает) раньше «запрещал себе любить их», а впоследствии, изволите ли видеть, понял, что поступал глупо.

Очерки написаны довольно интересно, иногда с блеском, но как только начинаются философские рассуждения, святых вон выноси! Не потому, что Гароди⁶⁶ плохой философ, нет, наверно он очень даже хороший философ, во всяком случае его эрудиция, начитанность бесспорны. Но обязательное настойчивое, слишком энергичное желание связать концы с концами, найти формулу «социалистической приемлемости» того и другого, и третьего героев книги – всё это положительно суета сует и всяческая суета. Никому не нужные хлопоты. Ни Пикассо, ни Кафка не нуждаются в такой реабилитации, вообще ни в какой не нуждаются. О Сен-Жоне Персе я судить не берусь, потому что ничего не знаю о нём, кроме цитат, приведённых Гароди (и чудовищно переведённых на русский!).

Но следует снова и снова задать этот роковой вопрос: почему лишают нас (вообще советских читателей) возможности знакомства с абсолютно безвредной, а для кое-кого и очень, может быть, полезной книгой? Во всяком случае, очерк о Кафке несравненно честнее и умнее всего, что у нас о нём написано.

Это вечная история, вечная тема моего дневника. Нельзя говорить спокойно об этом. Нас обкрадывают духовно, но делают это чёрное дело люди, которым вообще чужда любая духовная культура. Я убеждён, что люди, решавшие судьбу Гароди на русском языке, не смогли даже толком прочесть эту рукопись. В лучшем случае, они на всякий случай придирались к мелочам. Но этого «лучшего случая» могло и не быть. Была паника и только!

15 августа

За весь июль, в связи с «юбилеем», у меня такая пресса, что хоть куда. За всю мою жизнь обо мне столько не писали, сколько за эти четыре недели. Не говоря уже о том, что писали благожелательно и красноречиво, а некоторые (Л. Озеров, Огнев) – с находками. Сверх того, стихи Расула Гамзатова. Даже статья Левина получилась всё-таки вразумительной и стройной, хотя в ней и нет своей точки зрения.

Всё это важно только по одной причине – как энергичный стимул для собственной новой работы. И действительно, с первых же дней июля я взялся за неё. Уже писал об этом. Первая главка «Повести временных лет», может быть, не совсем удовлетворяет меня и требует каких-то дополнительных усилий, но всё же она существует!

А вот что и как дальше? Требуется ли это «дальше»? Я попробовал начать вторую главу, отправляясь от старого стихотворения начала 30-х годов, которое когда-то называлось «Кусок автобиографии» и уже много раз было напечатано: «Москва. Мороз. Бульвар. Черно – от книг, ворон, лотков...» Там взят 1915 год –

время, которое как раз нужно для второй главы. Несколько новых стрóf повернули сюжет совсем не туда, куда надо было бы.

Словом, надо хорошо сосредоточиться и засесть всерьёз, ничем не отвлекаясь. А это сейчас не выйдет! Ведь необходимо, наконец, написать статью о Блоке, как давно уже было условлено: в Гослите ждут её давно. И я обещал сделать к сроку, который давно миновал. Будет плохо, если я выкрою её из кусков того очерка, который имеется в «Путях поэтов». Надо писать заново. И я чувствую, как всегда, лиха беда начало! Стоит сесть и начать, дело пойдёт само. Но сесть и писать не удаётся.

17 августа

Прочёл две статьи Константина в “Известиях”. «Будем стоять пока живы» прочёл по настоянию его матери, которая и принесла эти, месячной давности, газеты. Это, конечно, замечательная, самая нужная литература. Речь идёт о полке, полностью погибшем в июне 1941 года при обороне Могилёва. Настоящая литература, несмотря на полную свою бесхитрость. И отсюда видишь, что её автор, один из лучших моих друзей, человек глубоко одержимый в лучшем смысле слова. Поэтому он и писатель такой.

Кроме того, Александра Леонидовна принесла его перевод поэмы Карло Каладзе об отце, старом коммунисте, расстрелянном Берией. Это тоже сильное и серьёзное произведение, но перевод мне не очень понравился. Видимо, сказала спешка, слишком явная, да и длинноты в самой вещи. Наверно, Константину очень хотелось возможно быстрее удружить хорошему человеку, поэту, другу и он спешил перед отъездом в Испанию поскорее закончить и сдать в печать (в “Неделю”). Работоспособность этого человека фантастическая. Мать говорит, что просто нельзя понять, нельзя уследить, как он успевает, когда, в какое время суток или вообще вне времени...

В давние времена и я был способен на такое рвение и такую самоотдачу, когда, например, в разгар горячих и изнурительных репетиций в Колхозном театре ухитрялся и новые стихи писать, и переводить Тициана, и ещё что-то делать сверх положенного, например, писать песни для той же постановки...

19 августа

Вчера зашёл Кирсанов, про которого шли слухи, будто бы он опять серьёзно болен, но, оказывается, дело не в здоровье, а в том, что нелады с протезом. Он прочёл небольшую поэму, которую только что закончил – «Зеркала́». Это, как всегда, очень талантливо и, как всегда у него, полная новинка, заново пробитое окно в неизвестность. Как поэт он твёрдо на этом стоит: не повторяется, не останавливается на достигнутом, экспериментирует, дерзит. На этот раз выдумка и занятная и чреватая серьёзными смыслами. Отражения в зеркалах остаются навсегда; при искусстве и старании их можно и должно снова восстановить. Автору это даёт возможность восстанавливать изображение возлюбленной. А кроме того, зеркала становятся опасными свидетелями преступления, опасными «протоколами» и т.д. Это – сильная вещь. <...>

Лифт на улице Щукина готов, работает, так что я в любой день и час могу ринуться в город. Но Зоя всеми силами оттягивает мой выезд в город. И у меня пока нет настоящих оснований перечить ей.

В журнале “Москва” напечатана маленькая повесть Марины Цветаевой «Дом у старого Пимена» – о семье историка Иловайского, который приходился ей «сводным дедом», т.е. его дочь была первой женой отца Марины, И. В. Цветаева. От этой первой жены были дети, и у самого историка были ещё дети, которые все умерли раньше родителей.

Марина пишет обо всём этом семействе, о его судьбе, его мире и со страшной силой уверенности, храбро утверждает правоту и прямоту своего суда. Это настоящая великая русская проза – такая, какой она должна быть после Гоголя, Достоевского и Андрея Белого.

Я тут же написал письмо Але Эфрон, а здесь не буду повторяться, напишу другое. Как там ни верти, но в этом году (и в конце прошлого) Марина Цветаева победила смерть, уничтожение, молчание и во всей своей сохранности, красоте, сложности выросла из елабужской затерянной могилы и встала во весь свой рост.

В том, что её повесть напечатана в черносотенном журнале “Москва”, есть какой-то комизм неправдоподобия, честное слово. Но такой же комизм есть и в том, что недавно Сурков (Сурков!) назвал Пастернака великим в какой-то газете, по случайному поводу. Это значит, что горячие гейзеры, запечатанные всем государственным свинцом, который некогда имелся в кладовых, эти гейзеры забили, как живые.

Всё это можно было, конечно, предсказать намного раньше. Ведь иначе вообще не бывает, да и не может быть. Но людям свойственно жить в сегодня, а не завтра и погружаться в каждое своё сегодня по горло, в нём барахтаться, в нём отчаиваться, ненавидеть, изнемогать и определять своё самочувствие, а вслед за самочувствием и своё мировоззрение. Поневоле становишься для каждого данного дня пессимистом. Прозрение в мировоззрении удаётся гораздо реже, чем солнечный день где-нибудь в самом сумрачном районе земного шара. Сегодняшняя судьба Марины, да и пастернаковская судьба со многим могут примирить.

Однако, надо сознаться, что современное положение советской культуры ничуть не лучше, не надёжнее, чем все эти годы. Всё та же трусливая, топчущаяся на месте политика неразберихи, оглядки неизвестно куда, переадресовка неизвестно кому и прочий вздор.

Конечно, политика в области культуры сама по себе не существует. Она есть следствие всех просчётов, прорывов и неудач в других: материальных, экономических и прочих областях. Вся эта картина вырисовывается в грандиозной безнадежности. Её подробности ужасают, а общий вид и того пуще.

Любой отчёт, обладающий малейшей долей достоверности и добросовестности, любой отказ от официальной версии, о какой бы стороне жизни ни шла речь, любой такой отчёт свидетельствует о беспомощности и растерянности. Меры, которые при этом предлагаются, чтобы исправить положение, прежде всего трусливы, половинчаты, заведомо недостаточны, потому что всё рассуждение построено на гнилой основе прошлой эпохи, т.е. на тех или других вполне абстрактных положениях общей теории, на догмах. Поистине, в каретах этих бабушек никуда не уедешь. Но даже и такие половинчатые меры выглядят утопией.

Потому что выполнять их, принимать серьёзные решения, отвечать за дело головой – некому!

Разливанное море бюрократии – вот как по-настоящему называется это государство и его структура. Не так уже легко определить, что такое БЮРОКРАТИЯ. Здесь напрашивается термин апокалиптического характера, а то и ещё древнее, вроде Молоха, Гога и Магога. Что-то вроде наступления безмозглых, угрюмых, прозорливых существ, имя коим легион, и обладающих всеми свойствами саранчи.

Продолжаются публикации различного рода китайских материалов, вроде плавания Мао Цзедун⁶⁷ по Янцзы или его же выступления перед пекинскими гражданами, вроде писем пекинских студентов о вреде длительного обучения в высших учебных заведениях и т. д. Всё это в высшей степени карикатурно и гротескно, и эти черты, вопиющие и бесспорные, видимы любым невооружённым глазом. Публикуется такой материал без всяких комментариев: мы продолжаем исступлённое молчание. Наверно, это лучший способ полемики с китайцами.

Заразившись таким методом, “Новый мир” в последнем, июньском номере, продолжил его в отделе «Без комментариев», где приведены вопиющие выдержки из нашей прессы: стихи Фирсова, цитата из статьи Первенцева о «чистом воздухе» в Севастополе, невероятно глупое (и подлое) высказывание В. Фёдорова о зайцах и волках (под коими подразумеваются «поэты» и «критики»). Негодовать, возражать на такой способ полемики никому, конечно, не удаётся. Но можно себе представить бешенство процитированных авторов: их раздели и публично высекли!

Рассказ об этом есть прямое продолжение только что высказанных мыслей о неразберихе в области культурной политики. Неразбериха, между прочим, заключается и в том, что никто (наверху) не может ничему (внизу) помешать. Это значит, что во всяком случае сегодня, в настоящий момент, демократизация общественного мнения продолжается, она идёт полным ходом. Нет силы, чтобы задержать этот процесс. Конечно, за то, что сегодня кому-нибудь «аукнется», завтра совсем другому (и по другому поводу) «откликнется», но и это входит в общую картину неразберихи. Уже становится неясным, где тут центр, где периферия. Но ясно, что центр – не в ЦК КПСС, совсем не там.

Несколько дней назад у Верейских М.И. Ромм продемонстрировал магнитофонные записи собственного голоса и мемуарно-памфлетного характера. Между прочим, совершенно грандиозный портрет бывшего начальника нашего кино – сталиниста Дукельского. Это стоит Щедрина и всех глуповских градоначальников. Портрет страшный, по которому ясно, что оригинал был психопатом и естественным подлецом. Он невероятно навредил в советском кино. Он же впоследствии навредил и на флоте. Всюду его терпели, изнывая под игом идиота. Но Хрущёв со своими благоглупостями был похлеще Дукельского хотя бы тем, что ему больше было дано. Его тоже терпели!

23 августа

Читаю последний том А.Франса⁶⁸, в котором его статьи по литературе и публицистические. Самые лучшие из сборника «Латинский гений/ Это – очерки о писателях-классиках: о Скарроне, Лесаже, аббате Прево⁶⁹. О ком же и писать

Франсу, как не об этих писателях?! Замечательно, как они оживают в его рассказе: блестяще начинавший и внезапно и уже на всю жизнь ставший жалким калекой Скаррон, милый скромнейший Лесаж (автор «Хорошего беса» и «Жиль Блаза») и при этом бедняк, всю жизнь влюблённый в собственную жену, семьянин; наконец, авантюрист и монах-расстрига аббат Прево, автор маленькой книги, которой хватило на три века и, видимо, хватит ещё надолго, – «Манон Леско».

Эти очерки Франса есть образцы того литературоведения (поэтоведения), которое я люблю больше всего и если вообще что-нибудь по-настоящему умею делать, то именно это. Это портреты писателей. В них нельзя обойтись без любовных историй, без описания быта, без психологии, без среды, и тем более нельзя обойтись без двух основных вещей: без эпохи и без данной поэтики, взятой как нечто индивидуальное, непохожее ни на кого, необщее.

У Франса есть отдельные мысли, довольно здравые и важные для нас сегодня, например о том, что несчастье современного искусства в том, что хороший художник может быть плохим мастером, а хороший мастер – плохим художником. Но по-русски слово «мастер» следует заменить на «ремесленник» – это и точнее и больше соответствует смыслу противопоставления: хороший художник – плохой ремесленник, хороший ремесленник – плохой художник. Иначе говоря, утверждается необходимость ремесла как первоосновы в любом варианте, в любом случае. Ремесло – это школа, дисциплина, искус, с которого должно начинаться искусство. (Даже этимологически дело обстоит так!)

24 августа

Вечером, на террасе у Фишей я подряд прочёл все свои нецензурные стихи, от стихов 20-х годов до 1956 г. о Сталине. Всё это я заново переписал в особую книжку. И чёрт меня дёрнул, уже уходя, оставить у них эту книжку, чтобы они всё перепечатали для себя. И это после того, как долгие годы, целые десятилетия я строго придерживался правила: не выпускать из рук этих стихов, никому не давать их для перепечатки, да и самому не слишком их перепечатывать. Что меня удерживало? Во всяком случае не страх. Скорее всего, элементарная чистоплотность, отвращение к тому, чтобы быть «подпольным автором», автором подпольной литературы и поэзии.

Когда Зоя узнала о моей оплошности, она взвилась бог знает как, и по её реакции я увидел эту ошибку – в зеркале её негодования. И вот пришлось пойти на совсем несуразный и в сущности неприличный, некрасивый поступок – послать Дусю⁷⁰ к Фишам с запиской, с просьбой вернуть мою несчастную книжку, объяснив всё коротко и вполне откровенно. Дескать, всю жизнь воздерживался от распространения этих стихов. Книжка уже лежит у меня на столе. Но Фиши могут быть оскорблены смертельно. Это я вполне ясно могу себе представить. Завтра утром я пойду к ним и постараюсь рассеять всякую тень возможной обиды, прогнать эту чёрную кошку.

Анатоль Франс говорит, что эпоха, в которой человек живёт, всегда кажется ему пошлой. Можно прибавить, что такая эпоха может казаться и ужасной, и омерзительной, и страшной!

25 августа

Утром, перед самым пробуждением, мне приснилось, что я захожу к Фишам, а там у Геннадия сильнейший сердечный припадок и это по моей воле. Ему что-то впрыснули, дом полон чужих людей, почему-то много ваханговцев... словом, очень неприятный сон, выражающий мою собственную тревогу о вчерашнем вечере. И я действительно пошёл к Фишам и застал всех на террасе и в добром здравии и, по всей видимости, без тени обиды на меня, без неудовольствия – наоборот, вполне добродушных, доброжелательных людей, даже без сарказма, который, как я полагаю, был бы только уместен. А впрочем, больше не стоит останавливаться на этом эпизоде. Для меня остаётся уроком: семь раз отмерить, а потом резать. Хотя я и не портной и не закройщик, но правило хорошего тона всегда и для всех обязательно.

26 августа

Дозвонился, наконец, в Москву, в Гослит, и узнал, что уже существует сигнал моего второго тома!!!

29 августа

Вчера был день рождения старшей дочери Матусовских, Лены, - ей 21 год. Был Смеляков (с Таней и её сыном) и читал те свои стихи, которые неизвестно почему «нельзя печатать», т.е. все редакции отказываются. «Жидовка», «Этапы», «Машка», о Мирском, о старой любви, о деревенском кладбище. И ещё два или три, – одно другого сильнее и лучше, прекрасные стихи. Ещё раз и ещё раз прихожу к мысли, что сегодня Смеляков, очевидно, лучший русский поэт. Самый глубокий, серьёзный, искренний. Самый «хватаящий за сердце». И я очень хорошо знаю, откуда это идёт, если и не вспоминать о его личной судьбе, о биографическом, т.е. о трёх ссылках и об одном плене (в Финляндии).

Каждое из этих стихотворений – отстой многих, в разное время прожитых и продуманных чувств и мыслей, каждое – итог с трудом давшейся зрелости, за которую многим заплачено. Между строками Смелякова – тысячи километров пространства, и на этих тысячах читателю и слушателю предоставлена возможность самому восстановить пропущенные автором звенья подразумеваемых ассоциаций. А почему автор Смеляков опускает эти неважные подробности жизни и мысли? Не потому, что он спешит. Скорее уж наоборот. Скорее от гордости, от какого-то своеобразного аристократизма. Он высекает образ из самого неподатливого материала и, значит, ему не до отделки подробностей. Очень хороший и редкий для всего современного искусства метод. Это самый древний и, очевидно, вечный метод. Так рождается классицизм. Именно рождается, т.е. живёт и дышит до своего окостенения, до канона и догмы, до псевдоклассицизма.

Но сам по себе Смеляков довольно несносный субъект. Ему многое прощаешь, зная, как он прожил жизнь (парню всё-таки 53 года) и очень многое относишь на счёт алкоголя. Вчера у Матусовских он придирился к кинорежиссёру Рязанову – дескать, испортили его стихи и песню, потому что на экране, в комедии

цитируют их в пьяном виде. Между тем, по общему признанию, в картине «Берегись автомобиля» это один из самых трогательных эпизодов, ни о какой компрометации или искажении стихотворения не может быть и речи. А въедливый, подозрительный (в любую сторону), обидчивый и уже порядком выпивший наш друг раз десять за вечер возвращался заново к этому предмету (всё в тех же занудных выражениях) и понапрасну мучил Рязанова и его милую жену. Но его любят и поэтому видят насквозь, т. е. в лучшем виде, а не в худшем.

Он говорит, что впервые в жизни чувствует себя, если не богатым, то хоть несколько обеспеченным человеком, на книжке лежит несколько тысяч. Для него это вещь грандиозного значения по своей полной непривычности. И вот уж поистине такой человек, которого никакие деньги не могут испортить!

31 августа

Всё чаще и чаще случаются самые поразительные вещи. Только что я успел записать о новых стихах Ярослава Смелякова, о том, которое посвящено Святополку Мирскому⁷¹. И вдруг вчера получаю письмо от своего нового (сравнительно) корреспондента, бывшего лагерника, теперь знатного на Магадане человека, Евгения Павловича Зубова (о нём отдельно, в другой раз) и в этом письме подробный рассказ, хотя и с чужих слов, о смерти Мирского. Это был слабый, постепенно всё более слабеющий (от голода!), продрогший человек в 240 километрах от Магадана. Однажды на барачных нарах, ночью, он стал рассказывать жизнь Пушкина. Читать его стихи, «необычно их комментировать...» Постепенно соседи по бараку стали прислушиваться к этой речи, которая звучала, как бред. Утром рассказчика нашли мёртвым. «Лагерное начальство привязало к его голой худой ноге бирку с номером, составило акт, и его похоронили в шурфе...»

От таких рассказов, уточняющих наш собственный бред, наши догадки и домыслы, утяжеляющих во сто крат бремя нашей собственной памяти и нашего воображения (а также – и совести) – от всего этого деваться некуда. Они должны сопровождать нас до конца нашей жизненной дороги. Точнее же – мы сами обязаны идти в ногу с ними.

Я начал это записывать с намерением сделать вывод: вот, дескать, какое знаменательное совпадение – стихи Ярослава и это известие.

8 сентября

Вчера я всё-таки сел и одним махом написал статейку о Руставели⁷² по просьбе Банникова для “Литературной России” и тут же послал ему. Неизвестно, с какой стати (по какому календарю какого летоисчисления) грузины утверждают, что Руставели исполнилось 800 лет, – все мы помним, что в 1936 году справлялось его 750-летие, значит сейчас ему самое большее 780! И то, если принять на веру дату 1936 года.

Статья у меня получилась всё-таки довольно занятная, хотя вся построена на цитатах из самого Руставели и из грузинских поэтов, прославлявших его. Всё сплошь мои собственные переводы, и в этом – своеобразная ценность такого цитирования. Кроме того, я сближаю «Витязя в тигровой шкуре» - с «Дон Кихотом»,

первый рыцарский роман – с последним. В этом тоже есть смысл, ибо в октябре – 350 лет со дня смерти Сервантеса.

За эти дни я довольно кардинально и, кажется, хорошо переделал первую главу «Повести временных лет». Много прояснилось, она увеличилась на 24 строки. Я понял, что всё здесь, до последней строки, должно стать ёмким, многосмысленным. Речь идёт сразу обо многом, о разном. Смысловые пропуски, всяческая недосказанность должны быть оправданы и поддержаны особой нагрузкой в том, что сказано и досказано.

Где-то очень далеко, в тумане маячит для меня блоковское «Возмездие», но у Блока – влажный туман, глубина догадок, а у меня – только пестрота, жёсткость очертаний, эксцентрика.

9 сентября

Сегодня весь день я писал письма поэтам, которые без конца шлют мне свои стихи, большей частью совсем плохие. Каждый раз я изворачиваюсь, чтобы не сверхмерно огорчить и обескрылить ни в чём не повинных провинциалов. Задача нелёгкая и, может быть, неправильно понятая мною. Может быть, мне действительно не хватает мужества на благотельную в иных случаях хирургию. А может быть и вообще не следует отвечать на большинство таких писем? Не знаю...

Никак не могу отстать от «Повести временных лет», то есть не от неё в целом, а от мелких переделок внутри первой главы, начатой в самом начале июля. Получил письмо от Володи Орлова.

13 сентября

Сейчас Кипса сообщила мне по телефону, что в “Литературной газете” напечатано о моём награждении третьим орденом Трудового Знамени – значит, руководство всё-таки спохватилось!..

Обстоятельства этого опоздания на два с половиной месяца мне хорошо известны. Дело в том, что сначала предполагался орден Ленина. Но тут впуталось раздражение «сверху» на мою подпись в письме, адресованном в ЦК относительно Синявского и Даниэля и, как выразился Ильин (в разговоре с Матусовским), «Антокольский сам виноват – до таких лет дожил, а ума не нажил». Дескать, разве такой юбилей мы справили бы ему, коли бы не это письмо!

Но «таким юбилеем» я был в общем вполне удовлетворён. Ведь с точки зрения множества хороших людей, с мнением которых я только и могу считаться, отсутствие правительственной награды как раз и является настоящим знаком отличия! Впрочем, теперь, после объявления в газете, об этом говорить и это подчёркивать не нужно и глупо. Пусть оно будет, как есть!

16 сентября

Вчера, уже во второй раз за последние дни, приехал ко мне парень из журнала “Вопросы литературы” со стенографисткой, чтобы взять у меня длинное интервью (на целый печатный лист, как он предупредил заранее). Зовут его Юрий Коваль и

существо он милое, талантливое (пишет детские стихи, довольно занятные). Но из интервью ничего путного получить не может, потому что вопросы, которые он задаёт, случайны, непродуманны и отвечать на них нет смысла. Я заливаю всякую чепуху, что взбрѣдет в голову. За вчерашний день надиктовано 16 страниц машинописи: так сосчитала стенографистка.

Ещё несколько дней тому назад приезжали из журнала “Кругозор”. Есть такой необыкновенно шикарный снобистский орган, издаётся 200 тысяч тиража, большая часть которого идёт за границу. Каждый номер с граммофонной пластинкой, в каждом – шесть двухсторонних пластинок! – с записью голоса автора, который представлен и в тексте. Несколько лет тому назад я уже записал таким образом несколько стихов из «Четвёртого измерения». Тогда предполагалось выступление физика и лирика, дополняющих друг друга. Как физик, был записан не кто иной, как сам Ландау⁷³, а я представлял лирика. Ландау читал стихи Лермонтова. Но в связи с тяжѣлым состоянием здоровья (после аварии) Ландау, где-то сочли «неудобным» такое выступление. Не могу понять, чем оно неудобно.

Но разговор со мной возобновлѣн и, очевидно, останется старая запись на ленте, из коей сделают пластинку. Кроме того, взяли для репродукции мои картины («Бесы» и «Медный всадник») и два моих портрета: Завадского 1915 года и шарж Пирихулавы, сделанный как-то в Тбилиси.

Написал для “Литературной газеты” статью про Кирсанова – ему исполняется шестьдесят лет. Уже давно написанная для “Комсомолки” статья о молодых поэтах претерпевает всякого рода колдовства в недрах редакции. Уже трижды приезжал оттуда довольно жалкий работник, молодой поэт Ваня Соловьѣв. Приезжает, главным образом, для чтения собственных стихов, но это бог с ним. Со статьѣй же происходит всякого рода пертурбация. Началось с того, что редакция без разговоров выкинула именно всех поэтов предшествующего поколения: Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулину, Окуджаву... Ссылаясь при этом на общее распоряжение секретариата ЦК комсомола, всё того же пресловутого Павлова: нигде, никогда не упоминать Евтушенко! Этот самый Павлов, который в какой-то речи посулил Евтушенко, ехавшему в армию на Кавказ, пулю Мартынова. За ним водятся многие высказывания такого рода. Оказывается, его наконец-то должны были снять. Но, спасая свою честь (и шкуру), Павлов придумал и провѣл с большой помпой и шумихой поход подростков по местам боѣв за Москву в 1941 году. Так была спасена его карьера. <...> весь этот поход был сплошной показухой и пошлятиной.

22 сентября

Три последних дня пробыл в Москве: поднимался и опускался на лифте, и если с детства привык к нему как к самой обыденной технике вроде водопровода, то на улице Шукина он показался мне волшебством, техникой на грани фантастики, чем-то вроде планетного самолѣта или даже машины времени.

В Москве повидался с Левиным, видел только 72 страницы его рукописей, отдал ему свои военные дневники и вообще вполне вверяюсь в его руки. А эти руки глуповатые, я совершенно уверен. Были у нас Матусовские, дважды была Кипса и была моя сестра Маня.

Прочёл вёрстки двух статей: о Кирсанове (она уже напечатана 20-го в “Литературной газете”) и о Руставели (должна быть завтра в “Литературной России”). Приходил парень из журнала “Кругозор”, дал ему несколько новых стихотворений. Репродуцированы будут два портрета (работы Завадского и Пирихулавы) и мои иллюстрации к Ф. Вийону. Вот, кажется, всё сделанное в Москве.

Переводная моя книжка (От Беранже до Элюара) прочно застряла в издательстве “Прогресс”. Редактор издательства Шуплецов в отчаянье, что ничего нельзя сделать. Я по телефону говорил с директором, он обещал разобраться в течение двух дней, и это похоже на похороны по первому разряду.

В последнюю минуту в Москве звонил Ильин: дескать, МК просит, чтобы я поехал в Тбилиси с делегацией московских трудящихся. Я отказался, объяснив, что это мне уже не по возрасту, хватит! «Ну что ж, - говорит Ильин, - я амортизирую удар, если вы напишете текст московского приветствия». Я тут же согласился и сегодня утром, уже на Пахре составил его на полтора машинописных страницах. В 12 часов приехала Ася, курьер ЦДЛ, и отвезла их Ильину. <...>

29 сентября

С первого июля прошло уже ни много ни мало, три месяца! И всё это время я вожусь с первой главой «Повести временных лет», не далее как вчера заново перепечатал эти сто шестьдесят строк на машинке. И снова вижу: самое главное не удалось. Это не моё. Поистине вместо мыслей одни мыслишки. Всё слишком в намёке, слишком отрывисто и неопределённо. «За кадром» остаются и биография и история. Тогда спрашивается, ради чего это написано? Ради каких-то смутных экивоков и намёков? Так их ведь тоже нет! Выпуклыми оказались только самые общие места, риторические вопросы, заданные непонятно кому. Словом, это неудача.

Мне следует отложить работу на неопределённое время, чтобы иметь возможность посмотреть на неё свежими глазами и всё сделанное – сломать. И это значит, что в главной работе этого года я потерпел крах и крушение.

В конце «Фауста» одно из самых важных для меня изречений (или формул) в мировой поэзии. Всё преходящее (т.е. временное) есть только подобие, сравнение, символ, образ. Вернее всех перевёл Пастернак:

Всё быстротечное –
Символ, сравненье.

Может быть, я возьму две эти строки для эпиграфа к «Повести временных лет» или ко всей новой книге стихов (буде она когда-нибудь состоится).

Отсюда всё-таки произошёл немецкий и русский (но не французский, т.е. не брюсовский) символизм.

30 сентября

«Семь раз отмерь – один раз отрежь» - эта поговорка изобретена плохим портным или закройщиком. Она годится для ремесленника, а не для мастера.

Мастеру и художнику вообще не нужно мерить. Ни сантиметр, ни аршин, ни записная книжка, ни метроном, ни какой бы то ни было иной цеховой инструмент – вплоть до счётной линейки – ему не требуется. За всё должен отвечать глазомер, намётанный глаз, а рука «знает своё дело»! Художник должен провести прямую линию невооружённой рукой. Точнее, чем если бы приложил линейку. Музыкант-виртуоз не нуждается ни в каком метрономе, потому что слышит ритм всем существом, всеми нервами, всеми мускулами, т.е. тем самым, что называется шестым чувством.

Ещё раз надо вспомнить этимологию термина: искусство-искус. Это значит: любому мастерству в искусстве предшествует тренировка, нечто изнурительное, но и весёлое, занудное, но сразу дающее плоды, которые радуют человека.

Одно из любимых упражнений Пикассо, которое он повторяет и теперь, будучи стариком, прославленным во всём мире, это рисовать, держа руки за спиной и не глядя при этом в зеркало, которое отражает рисунок. Рисовать при этом совершенно безошибочно, точно и свободно. Это не только трюк, но и самообладание и совершенное знание своих мускулов, и зрительная память, и ещё многое другое, что в сущности необходимо каждому уважающему себя артисту.

Если существует настоящая, полезная, чему-то путному обучающая педагогика в искусстве, то она должна начинаться таким рассуждением и состоять главным образом в прививании разных рабочих, тренировочных навыков. Такого рода семинарский практикум должен быть растянут на три года по меньшей мере. Он и окажется искусом, предшествующим искусству.

Но сколько раз я уже писал об этих простых вещах. В книге «Поэты и время» есть очень поучительные страницы на эту тему, в частности о том, как относятся эти простые вещи к поэзии. Меня никогда не слушали, не выслушивали, а вместо этого обвиняли чёрт знает в чём: в формализме, декадентстве, чуть ли не в космополитизме.

Тут-то и приходит в голову, что лучше всего дело обучения искусству поставлено всё-таки в цирке и балете. И в цирке и в балете жесточе всего преследуется дилетантизм и самодеятельность в любой форме. В цирке и то и другое может стоять головы и позвоночного столба. Так что хочешь не хочешь, а будь мастером или долой с арены! На литературных выступлениях и в редакциях журналов ничего похожего и не выдумаешь.

1 октября

Ужасная, неожиданная смерть молодой женщины – жены нашего соседа писателя Юры Трифонова⁷⁴ – от сердечного припадка при отсутствии или опоздании скорой помощи. Ей едва ли исполнилось сорок лет. Мы её почти не знали, разве что встретили раза два здесь, в посёлке, этим летом. Зато отца её, восьмидесятилетнего художника Нюрнберга⁷⁵ я знал хорошо. Он здесь ко мне заходил – несчастный, оробевший, сбитый с толку старик, товарищ Шагала⁷⁶ и Лисицкого⁷⁷, – в нём какое-то изящество и кротость старых добрых времён. <...>

2 октября

Опять и опять, с какой-то тупой и, может быть, безнадёжной старательностью я принимаюсь за «Повесть временных лет», ломаю старые куски, но больше вписываю новые. Главная моя цель – дать время не в каких-нибудь подробностях, а хотя бы тем, чтобы было точно очерчено «от сих до сих» первое десятилетие: 1896-1906. Но обнаруживаю, что в последних строках намечен заскок чуть ли не в канун 1914 года.

Как ни бейся, а эти строки
С биографией не дружат.
Ни в какие даты и сроки
Раньше смерти никто не сжат.
Как ни кинь – а в картины эти
Только ключьями вмещены
Семь минувших десятилетий
Непомерной величины.
Как ни мерь, а они огромны
и т.д.

Этим утверждается право на сдвиги, на перескакивания, на всяческую неполноту – ради общего ритмического движения.

10 октября

Письмо от Али Эфрон. Ужасное и глупое решение Литфонда: уничтожить на могиле Марины поставленный Алей крест и водрузить вместо него какой-то чужой (купеческий) памятник, подчистив соответственно имя и даты. Когда Аля говорила об этом предмете с кем-то из Литфонда, то услышала: «Так дешевле». В чём дело? Почему любое благое намерение наших инстанций оборачивается лишней обидой ни в чём не повинным, и без того глубоко и раз навсегда обиженным людям?.. Всё это в высшей степени отвратительно.

Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить: на этот раз я всё-таки закончил первую главу «Повести временных лет». Дальше переделывать и ломать нет смысла. Итого – три месяца с лишним. <...>

11 октября

<...> Чуть-чуть двинул вторую главу поэмы: 1915 год, война, университет, Мансуровская студия. Так началась новая кабала, от которой возможно только одно освобождение: работа во что бы то ни стало, доведённая до конца. Сколько же она продлится, я боюсь гадать.

Вчера вечером зашёл к Фишам. К ним приехала Сильва Капутикян, написавшая целую книгу (проза) о своих странствиях к зарубежным армянам. Таня Фиш редактирует русский перевод этой книги. Сильва Капутикян – удачливая карьеристка, <...> весьма практичная особа, до ужаса целеустремлённая. Я её знаю

со времён первого совещания молодых писателей - сразу после Отечественной войны. Она была в моём семинаре вместе с Гудзенко, Межировым, Лукониным, Недогоновым, Дудиным, Орловым и другими, т.е. больше двадцати лет знаю её.

14 октября

Получил письмо от Коли Куличенко: в сущности это первое настоящее поздравление от актёров колхозного театра. Лондон в счёт не идёт: он просто был у нас первого июля, он, так сказать, родной человек. Была ещё почему-то телеграмма от Евгения Гольцева и сильно запоздавшая – от Брусина и Шаргородского. <...>

18 октября

Всё ещё не могу вылезти из первой главы «Повести». Нет-нет, да и вошью новую строфу, как ставят заплаты. То, чего я добиваюсь, можно в конечном счёте назвать дифирамбами времени, двадцатому веку. <...> Я хочу добиться того, чтобы сначала читатель (или слушатель) был несколько ошарашен, но быстро вошёл во вкус и смекнул, в чём тут дело, и тут же становился моим сообщником, т.е. дополнял, досказывал недосказанное. Это лучший способ восприятия любого искусства, тем более словесного, в котором и без того слишком многое досказано, пересказано...

23 октября

Бегло прочёл сто страниц, уже написанных Левиным для книги. Это совсем неплохо, кое-что даже хорошо. Но излишняя пестрота и чересполосица. Может быть, он слишком много использовал мои письма к нему и, кажется, слишком уж любит он всякого рода надписи (лестные) на чужих книгах, которые мне подарены, считая всё это важными документами. Но пусть пока делает так, как считает нужным. Сейчас он в рабочем состоянии, мне кажется, его не следует обескураживать и теребить по мелочам...

Получил из «Иностранной библиотеки» две книги Аполлинера, очень хочу кое-что перевести в дополнение к «Вандемьеру», которого перевёл давным-давно для будущей книги в Гослите: она намечена на 1967, но, видимо, выйдет только в 68-ом. Всё-таки я буду гнуть её как антологию. То есть, не называя так (чтобы не пугать), но стремясь к относительной полноте и хотя бы соразмерности частей. Это вполне возможно. Конечно, лакуны останутся. Например, Верлен⁷⁸, которого я никак не берусь переводить. Это совсем не для меня поэт. Но всюду, где есть доля истории, ощущение себя (автора) в истории, во времени, там моя работа. Аполлинер у меня перед глазами, на столе. Вчитываюсь и вижу, до какой степени остро и по-новому он чувствовал свою эпоху: и предвоенные (1910-1914) годы, и годы войны, конечно, тоже.

25 октября

Статью о Тихонове⁷⁹ я всё-таки написал вчера, а сегодня перепечатал её на машинке, многое тут же сходу прибавляя, а кое-что используя из старой статьи о

нём. Получилось одиннадцать страниц вместо задуманных восьми. В “Юности” это не сочтут лишним. Что же у меня получилось? Очень большая часть – о прозаической его книге «Двойная радуга», которая давно уже мне понравилась чрезвычайно. Из всех мемуарных книг последних лет это, конечно, лучшая. (Я имею в виду Эренбурга, К. Чуковского, Шкловского, Каверина – словом, всех, кого читал или только листал.)

Отправляясь от «Двойной радуги», я вспоминаю первую встречу с Тихоновым, очень подчёркиваю Тихонова-солдата Первой мировой войны и в связи с этим подчёркиванием сближаю его с Лермонтовым, Багрицким, Аполлинером, Гудзенко и т.д. Всё это относится к свежим частям статьи моей, к её обновлению.

А кроме того, читаю Аполлинера и думаю о том, что, может быть, именно он, а никто другой, больше всего был выразителем для двадцатого века во Франции. Конечно, некоторое значение при этом (вернее - значительность) относится на счёт его трагической судьбы – раны в голову, трепанации, ранней смерти. Здесь, как и всегда, не может быть сослагательного наклонения и гадания о том, что случилось бы, если бы да кабы... Аполлинер остаётся тем, что он есть, – зовом оттуда, из 1910-1918-ых годов, и некоторые его предчувствия, предощущения, обмолвки поразительны!

28 октября

В библиотеке иностранной литературы я достал через Гелу Кеменову две книжки Г. Аполлинера; одна – избранная поэзия, другая – его роман и несколько новелл. Это моя инициатива, и она оказалась весьма правильно задуманной и очень важной как раз именно сейчас для меня.

Я ещё не совсем ясно разобрался в Аполлинере, недостаточно знаю его, но готов допустить, что он действительно начинает XX век во французской литературе, в поэзии прежде всего. Это очень интересная фигура. Дело не только в его новаторстве, которое было очень многообразным и многосторонним, но, может быть, больше всего в биографии этого человека, в его связи с Пикассо, в его участии в Первой мировой войне, в том, что он был ранен в голову и в 1918 году погиб от своей раны.

Конечно, я буду переводить его: усиленно, с большим рвением, может быть даже впрок и в засол, ибо для книги в Гослите надо будет перевести не слишком много. Это интересная для меня, даже увлекательная задача. Как и во многих других случаях (Гюго, Барбье, Рембо, Лафарг, Элюар), я веду здесь свою постоянную линию: связь данного поэта с временем, с историей. На этом строилась книга «Гражданская поэзия Франции». Я её расширяю на этот раз, и довольно существенно. Новинками будут Бодлер, Аполлинер, наверно, по дороге возникнут и новые встречи, например, Сандрар, ещё кое-кто.

Сегодня, по просьбе моей редакторши Л. М. Красногладовой написал несколько страниц относительно своего двухтомника и нынешних планов. Это для журнала “Книжное обозрение”.

В редакции “Юности” статья о Тихонове понравилась.

31 октября

<...> Читаю записки Кропоткина⁸⁰ и без усилия вспоминаю, как 50 лет тому назад (!!!) нам вслух читала их мама или, может быть, Дмитрий Константинович Куликов – наш домашний учитель, студент-филолог, которого мне очень хочется вспомнить здесь добром.

6 ноября

3-го была свадьба Андрея. На следующий день после свадьбы я был в Кремле, получил третий орден Трудового Красного Знамени, что продолжалось добрых два с половиной часа. <...> Был в редакции “Кругозора” и страшно обрадован тем, как выглядит цветная репродукция моей картинки к «Вийону». Она выглядит просто волшебным, да и формат не такой уж маленький: 20 x 12 см.

Кое-что перевёл Аполлинера.

Поздравлений много, и среди них от Сергея Тихоновича Цыганкова, с которым я лежал рядом в Боткинской. Замечательный человек.

Судя по этой записи, всё сплошь «большая радость», «волшебным» и пр. А на самом-то деле радоваться не из-за чего. Окружающее ужасно, и это непосредственно касается нас. Люди в подавляющем большинстве больны, озлоблены, изнервлены до последней степени. Любая работа непосильна для них. Любая самая элементарная честность изгнана из отношений между людьми и является тоже непосильной. Всё валится из рук – каждое более или менее общественное начинание. Сводит с ума господство показухи, её наглость торжество, без тени угрызений совести. Рассказывать об этом, описать точно хотя бы один, первый попавшийся случай было бы, наверно, полезно и поучительно.

Ну вот, я беру себя самого. Мне 70 лет. Все писательские, авторские, художественные привычки, пристрастия и, скажем, привилегии у меня сформировались и даже (приходится сознаться!) закалились. Раскатать себя на какое-либо новое, непривычное дело я совершенно не могу. Как писатель я продолжаю своё существование только в рутине, мною самим созданной, как паук в своей паутине. Ничего хорошего в этом нет.

И я думаю, что множество моих современников (может быть, и гораздо моложе меня) находится примерно в таком же положении и состоянии: они привыкли, обжились, катят чёртовое колесо или сизифов камень⁸¹ и не замечают бесполезности своих усилий, вполне добросовестных и доброкачественных.

9 ноября

Три дня гостили у нас Кипса и Катюшка. Моя внучка опять была поразительно мила и своей непрерывной деятельностью не какой-нибудь, а самой что ни на есть творческой: на этот раз она не только рисовала, но и писала рассказы, очень смешные, и даже стихи. Это центр её существования, и при этом – постоянное стремление: обрадовать окружающих, дарить! Ей девятый год и она растёт не по часам, а по минутам, буквально. Сверх того, она очень приветлива, добра и не

доставляет никаких хлопот, потому что всегда находит для себя дело самостоятельно, по своей инициативе.

Кипса очень плохо выглядит, у неё и с сердцем нелады на этот раз. Вообще она постоянно (а за последнее время особенно) взваливает на себя непомерные тяжести, одну за другой. Женитьба Андрея – это новая забота для неё. Забота о его малолетней жене, исключительно неприспособленной ни к какому более или менее взрослому существованию. Ей только что исполнилось 18 лет. Весной она кончила десятилетку, видимо, с грехом пополам. У неё и мысли не было о вузе потому, наверно, что она не чувствует влечения ни к какой специальности. Между тем, разные задатки имеются: она и на рояле хорошо играет и пытается рисовать. Кипса намерена помочь ей поступить в театральное училище по специальности костюма; в школе МХАТа имеется такой курс. <...>

С глазами у Кипсы, как всегда, плохо. А её работа целиком зависит от зрения. Квартира у неё очень хорошая, но ведь весь этот дом на улице Вахтангова уже второй или даже третий год находится в угрожаемом положении из-за строительства нового Арбата, чёрт бы его побрал! <...>

Моя Зоя – в состоянии крайней изнервлённости. Причин – реальных! – слишком много: и более чем девяностолетняя её мать, Анна Васильевна, которая живёт у нас и на глазах, с каждым днём угасает, и моё здоровье (хотя оно вполне удовлетворительно, по мнению медицины и по объективным признакам), и ужасная изнурённость самой Зюечки (она совершенно не бережёт себя, курит, прикладывается к водке, но главное отнюдь не в этом, а в разрушающем действии её тревог, предчувствий и маний...).

Выход из такого состояния у неё существует, и дай бог всякому иметь такой выход: скульптура, каждодневный труд со стамесками, рашпилями и прочим инструментарием. И её работа действительно чудо. Сейчас она занята тем, что из нескольких наплывов (на берёзе) вырезает очень выразительные маски. Такая работа менее трудна и громоздка, чем делать большую вещь, когда приходится комбинировать её из нескольких кусков, длительно и мучительно приспособливая и пригоняя их друг к другу (что продолжается обычно несколько месяцев). С масками значительно проще. Каждая из них требует всего несколько дней, так что за последний месяц Зоя закончила работу над тремя масками и сейчас у неё в работе ещё по крайней мере две новые.

Но – увы! – по сути дела эта прелестная, увлекательная, продуктивная и творческая деятельность, какой бы она ни была, всё-таки в малой степени отвлекает Зою от её забот, от её общего состояния. Её угнетает присутствие каких бы то ни было чужих, неожиданных людей. Даже не присутствие их, а самый факт, что они могут появиться. Это уже какой-то патологический страх, и в то же время он понятный. А ведь ещё несколько лет тому назад Зоя была самым лёгким, самым приветливым, самым доброжелательным человеком. Как она любила своё собственное гостеприимство, как умела обворожить большую компанию, как легко ей всё это удавалось!

Всё на свете объяснимо, у всего на свете свои, совершенно видимые причины. Главная причина перемен в Зое – это, конечно, я и никто другой, ничто другое. Но я – причина, а не вина. В моём поведении за последние десять лет было немало грешного, легкомысленного, дураческого. Было неуважение к Зое. Я всё хорошо

знаю, отдаю себе в этом отчёт. Но сверх того, я убеждён и в другом, более важном, в главнейшем. Как никто другой, Зоя хорошо знает, что достаточно было ей повести бровью, и всё моментально слетало с меня. Столько же раз, сколько она огорчалась мною, я тут же простирался у её милых ног. <...>

Который раз в жизни я перечитываю и вчитываюсь в дневники А. Блока – особенно 17-го года и последующих лет и заново убеждаюсь, что у него не было ничего общего с сумбуром и растерянностью. Он превосходил очень многих тогдашних деятелей, писателей, интеллигентов (в их числе даже Горького) своей пронизательностью. Вдохновение, прозрение, пророчество были здесь абсолютно ни при чём. Блок был только логичен, вот что замечательно. Кроме того, он строг и разборчив в отношении терминологии. Он знал (всем существом, всем уже пережитым и много раз осознанным опытом), что такое музыка и что такое этика. Поэтому его мысли были стройны. В них была законченность, завершённость до конца выношенного знания предмета. А этим предметом была философия истории. <...>

Ещё и ещё раз я убеждаюсь в том, что Блок сопоставим только с двумя русскими мыслителями – с Пушкиным и с Герценом. Все остальные мельче, зависимее, эмоциональнее (в дурном смысле слова), путаются между трёх сосен, забывают свое начало и свой конец. Это равно относится и к Достоевскому, и к Чаадаеву, и уж конечно ко всем славянофилам и к их поздним потомкам вроде К. Леонтьева.⁸²

Все эти замечательные по-своему люди имели дело с теми же мировыми глыбами, которые так много значили в мировоззрении Блока: Россия, Европа, Гуманизм, Искусство, – сколько их было, считать незачем. Ни одна из этих глыб не гипнотизировала собою Блока! Каждую из них он воспринимал как и должно, в историческом движении, т.е. был прежде всего диалектичен. Я думаю, что его мысли о трагическом мировоззрении идут из того же источника, из его стихийной диалектики.

Впрочем, зачем думать, что только стихийной? Блок недаром учился на филологическом факультете, недаром хорошо знал греков, а ещё лучше немцев, начиная с Гёте, недаром, наконец, ещё в ранней юности понял и преодолел соблазн Канта⁸³ (жертвой которого оказался Андрей Белый!). Впрочем, ещё важнее был для Блока его здравый смысл, его всяческое духовное здоровье – это очень чуткая магнитная стрелка, всегда, в самые смутные и мутные времена выпрямлявшая его путь.

Да, Блока ещё нужно изучать, исследовать, восстанавливать подробности, складывать эту пёструю мозаику из мелких кусков и осколков. Метод же надо заимствовать у него самого и смело сопоставляя разные области, разные миры: искусство и политику, философию и спорт, какого-нибудь Вагнера⁸⁴ и американские горы в луна-парке Петрограда 1913 года.

14 ноября

Два последних дня пробыли у нас Андрей с молодой женой, Людмилой⁸⁵. Впечатление у нас обоих, у Зои и у меня, какое-то смутное и тревожное, но в чём причина тревоги, установить я не решаюсь. <...> И в то же время Андрей стал лучше,

чем был ещё совсем недавно. Он не топорщится, не ершится, изо всех сил старается быть общительным, любезным, может быть и весёлым, хотя его способности быть весёлым весьма ограничены. <...> Может быть, правда, у страха глаза велики?..

Увы, тут приходит в голову и другое. Дело в том, что Андрей – математик чистой воды. Он только математик и никто другой, ничто другое. Обычно (это подтверждается многими примерами) математики – люди очень раннего развития. Талантливый математик обычно к двадцати пяти годам уже кандидат наук и очень быстро вслед за тем – доктор. Андрей перешёл в заочную аспирантуру, служит где-то в университете же. Но не означает ли это задержку на учёном пути? Какое-то ослабление его способностей, которые так высоко ценились недавно?

15 ноября

Переводя Аполлинера, я снова и снова (как это уже много раз бывало в жизни) убеждаюсь в одном: лучше отойти от буквального совпадения с оригиналом, лучше напутать, присочинить, упустить что-либо, даже исказить (!), чем отказаться от своей ритмической основы.

Это значит, что я снова и снова убеждаюсь в невозможности свободного стиха. Во всяком случае, в русской поэзии он бессмысленен, даже и не достижим, ибо всякая свобода от ритма основана на предположении, что где-то рядом ритм всё-таки звучит. Таким образом, вся эта предполагаемая свобода заключается в несовпадениях с ним в каких-то синкопах, что ли. Но это дело маленькое, техническое. Об этом не стоит говорить.

Пока, переводя Аполлинера, я забывал о ритме, у меня решительно ничего не получалось – разве только вялый, разболтанный (да и не слишком искусный и грамотный) прозаический подстрочник. Только одно суживание, сжатие, сгущение в твёрдый ритм сохраняет поэтичность оригинала, его «структуру». Надо помнить о несовпадении ритма во французском и русском языке. До известной степени они, эти несовпадения, непознаваемы на чужом языке. Я решительно не знаю, что такое ритм для француза, вернее, всегда могу ошибиться на этот счёт, а читая вслух французского поэта, скандирую (т.е. ритмизую) таким манером, что французы просто смеются – это им чуждо и неприятно.

Аполлинер по-прежнему очень интригует меня как некое начало многих начал в поэзии XX века. Как водится во всяком первоисточнике, в нём много детской или дикарской наивности. Сюда относится, например, мания выдавать себя за пророка, чуть ли не за ясновидящего, колдуна, мага. Здесь он в чём-то соприкасается с Хлебниковым, но Хлебников гораздо умнее!!! У Хлебникова за плечами математика и своя метафизика, соответствующая данной математике, т.е. лесá постоянно строимого мировоззрения. У Аполлинера этим и не пахнет. Он парижский хлыщ, дитя цивилизации, а не культуры.

24 ноября

<...> Я снова сижу в этой любимой до боли, до сердцебиения комнате на втором этаже пахринского дома и страстно хочу подпереть старую голову кулаком, сосредоточиться, уйти в себя и сделать наконец что-нибудь стоящее и настоящее,

тем более, что первая глава напечатана и свалилась с плеч. Вопрос в том, продолжать ли эту поэму, по силам ли она мне и стоит ли вообще продолжения.

25 ноября

Конан Дойл⁸⁶ в восьми томах выходит приложением к “Огоньку”. Два тома с Шерлоком уже лежат у нас на столе. Сначала Зоя, потом я набросились на это нехитрое и много раз читанное повествование – прародителя всех мировых детективов (если забыть об Эдгаре По⁸⁷).

Мне кажется, сильная сторона К. Дойла в том, что, начиная ту или другую повесть, он совсем не предвидит её конец, с конца никогда не начинает, но уверенно плетёт свою загадку, полагаясь в конечном счёте на свою же собственную фантазию, которая и выручает его в любом крайнем случае, как всякого талантливую фантазёра-вруна, как Дюма, как Евгения Сю, как Гофман (в «Эликсире сатаны», например).⁸⁸ Это органическая постройка рассказа или новеллы с ключом в противоположность многим эпигонским и вообще современным искусственным конструкциям. Второй тип (искусственной постройки) тоже, конечно, может быть очень даже занимательным, как всякая головоломка-кроссворд, но здесь нет конан-дойлевского шика, его беспечности – той же самой, которой знаменит сам его герой, блестящий Шерлок Холмс. <...>

26 ноября

<...> Весь день наверху, у себя в комнате. Пытался кое-что писать, приписывать к старым стихам, но, кажется, испортил.

В номере журнала “За рубежом” перепечатки из английской и гонконгской прессы о событиях в Китае, о хунвейбинах. А мы продолжаем хранить иступлённое молчание обо всём этом, хотя то, что происходит в Китае, больше всего касается именно Советского Союза. Наше молчание ничем не оправдано и производит ужасное, гнетущее впечатление. Как объяснить его? Если за ним стоит нежелание обострять конфликт, и без того острый, то эдак можно дойти вообще до потери государственного достоинства. Однако, никаких других объяснений тут и быть не может. Но вдруг оно – признак того, что и у нас существуют внутренние разногласия по поводу китайских событий и у нас есть сторонники хунвейбинов и соответственной культурной революции? А вдруг дело именно так обстоит?

Чего доброго, какой-нибудь вождь комсомола <...> всерьёз задумает повернуть колесо истории, повторить опыт сталинского 1937 года и пустить кровь интеллигентным коммунистам – последним грамотным могиканам в партии, благо их и осталась горстка!.. Всё это предположения, оправданные многими вескими данными.

Они могут, конечно, и не сбыться, и дай бог, чтобы они оказались фантастикой. Однако, этот вариант остаётся до поры до времени реальным. Во всяком случае, большинство высказываний на XXIII съезде носило очень скверный характер. Вся кампания против “Нового мира”, против “Юности” относится именно к этой тенденции, и в сущности сейчас она понемногу проводится. Запрещение военных дневников К. Симонова уже после того, как об их печатании было широко

разглашено, всё-таки произошло! Это очень тяжёлое, очень печальное событие. И снова и снова убеждаешься в том, что подоплёка этого запрещения – всё тот же подлый страх, боязнь произнести решающее слово – в ту или в другую сторону

Да, да, Сталин не реабилитирован – это верно, но последний приговор так и остался неподписанным, не приведён в исполнение. Легко было выдрать эту куклу из Мавзолея и водворить тут же, рядом, под Кремлёвской стеной. Гораздо труднее совершить акт исторической справедливости и взамен неопределённого, невесомого «культы личности» сказать о более чем тридцатилетнем царствовании восточного деспота, загубившего всё мировое социалистическое (не говоря о коммунистическом) движение на целый век!

Отсюда проистекают все беды современного положения вещей: одна из них называется «культурной революцией в Китае», а другая ещё недавно называлась национал-социализмом в Германии. Так постепенно в наших глазах проясняется вся история нашей страны на протяжении жизни нашего поколения, да и не только нашей одной страны, а всего мира. Или точнее сказать, так должна была проясниться история, но по тем же причинам этого ещё не произошло.

Действуют силы не земного, а подземного тяготения, подспудного давления – тысячи тонн страха, инерции, усталости, лени... И у всего этого конгломерата мелких сцеплений, микропричин и микроследствий, у всей этой неразберихи и чересполосицы, у всей стоячей в канавах вонючей жижи одно только внятное определение, одно, более или менее объясняющее название – БЮ-РО-КРА-ТИЗМ.

16 декабря

<...> Прочёл всё, что нашёл у себя (такие раскопки возможны на моих полках) – о Смутном времени. Довольно ясно представил себе новую книжку стихов, часть которой (около половины, т.е. 1000 строк) представлю в “Советский писатель” после Нового года.

Моя сестра Маня лежит в больнице: стенокардия, усталость, старость... Мы только что вернулись сюда на Пахру и, кажется, я полон рабочего рвения и примусь за дело с утра.

19 декабря

<...> Вчера вечером у меня был Россельс и рассказывал очень подробно и в ярких красках о трёхчасовой встрече у нашего парторга Тельпугова⁸⁹ со всеми коммунистами, которые подписали знаменитое письмо насчёт Синявского ещё в апреле этого года. Оказывается, существует некая «Белая книга», направленная в адрес Брежнева: в ней собрано 27 документов по делу Синявского и Даниэля. Среди них стенограмма процесса! Но кто же её вёл? Там и все письма (наше тоже), а сверх того письмо Л. Чуковской Шолохову. Копия этой книги попала и за границу и стала достоянием всей мировой печати.

Тельпугов созвал всю эту группу писателей и задал вопрос, не хотят ли, дескать, товарищи на этот раз реагировать? Ответ был единодушный, достойный и сделан он был в очень острой, откровенной и уничтожающей форме. Судя по словам Россельса, все были не только единодушны, не только стояли на своём, но сверх того

смогли, решились и наговорили множество логически неоспоримых и простых истин, которые выходят за пределы настоящего случая. <...>

20 декабря

Ведя дневник, я всё время забываю, даже никогда, может быть, не вспоминаю о том, что дневник – это тоже литература, то есть искусство, что это всё тоже – царица русских полей, матушка-проза, требующая сжатости, точности, выпуклой и яркой формы, что на свете существует такой гибкий инструмент, как русский синтаксис. И в результате почти все записи испорчены заведомо недобросовестной неряшливостью.

Я много писал о Белле Ахмадулиной, но слишком стоял на точке зрения данной минуты, слишком отпирался от конкретного происшествия, а их было очень много. Мне и не приходило в голову обобщить опыт этих очень схожих происшествий, задуматься над ними по-настоящему. Между тем, давно надо было сообразить, что Белла далеко не сахар. Жалость к Белле и восхищение её стихами застило нас обоим, Зое и мне, глаза на её дикую безответственность и равнодушие ко всем, кроме себя самой, даже к Юре, которого она в то же время любит.

Вообще всё на свете гораздо сложнее, чем у меня здесь изображалось. И если бы я осторожнее продумывал то, что хочу сказать, с большей пристальностью искал бы форму (хотя бы) своих высказываний, тогда этим записям была бы совсем другая цена. Прежде всего, наверно, они были бы короче.

Уже третьим изданием вышла в “Молодой гвардии” книжка польского физика Инфельда об Эваристе Галуа.⁹⁰ Она понравилась мне когда-то, а сейчас, перечитанная заново (и, как оказалось, совсем забытая), нравится вдвое и втрое. Вот как надо писать «жизнь замечательных людей», особенно учёных! Правда, Галуа – случай, выходящий из ряда вон, ибо он далеко не только учёный. Несмотря на свой математический гений, на отвлечённый характер мышления, на преданность науке, он всё-таки прежде всего трагический персонаж, участник исторической драмы.

Его жизнь – ещё одно не лишнее подтверждение того, как прав был ещё до войны Тынянов в своей догадке о том, что дуэли (типа Пушкина и Лермонтова) были сколком обычной общеевропейской практики провокационных расправ с либеральной интеллигенцией. <...> Тынянов ссылался при этом на Галуа и на какого-то австрийского журналиста.

Достоинство книги Инфельда в её сжатости, в очень строгой композиции. Её можно без труда инсценировать, т.е. ещё больше сжать для двух с половиной или трёх часов напряжённого драматического действия. Тот, кому это придёт в голову, может добиться большого успеха.

Но ещё большее достоинство Инфельда в том, что он убедительно, т.е. изнутри показал развитие героя как математика, показал его специальную одарённость, раскрывшуюся и для него самого так внезапно и неожиданно. Инфельду это удалось только потому, конечно, что он сам математик и, очевидно, хорошо помнит своё отрочество и свою юность. Это на редкость талантливая (сердечная!) книга.

Но сверх того Инфельд щепетильно добросовестен. Он понимает, что любой читатель захочет знать, что в книге полностью соответствует фактам, документам, а

что вымышлено, и Инфельд охотно идёт навстречу читателю, и в послесловии точно и старательно разграничивает документированную правду и свои вымыслы и домыслы. И тогда становится ясным, какую кропотливую работу он проделал, из каких обломков и крохотных осколков строил свою мозаику! И всё-таки главное в том, как он любит и восхищается своим несчастным двадцатилетним героем, как заставляет жалеть его и верить в его гений.

22 декабря

Ася Цветаева вручила мне для прочтения два отрывка из своих воспоминаний, в частности о дружбе обеих сестёр сначала с Эллисом, потом с Нилендером. (Эллиса я никогда не видел, а Нилендера часто встречал в 20-х годах.) Это 1909-1910-е годы. Марине 17 лет, Асе – 15. Необыкновенно острая хватка памяти. Ася каждый раз переселяется, перевоплощается в тот свой возраст, который изображает. Страшно и странно яркие картины прошлого, всё достоверно, как бывает только во сне. Это очень индивидуальная проза, особый стиль, особый почерк. <...>

Сейчас дело обстоит так, что Ася мучительно подготавливает рукопись для печати. Это ни много ни мало сорок печатных листов. Денег для машинистки у неё нет. Но главная беда не в деньгах, а в полной её деловой беспомощности, безалаберности. Насколько я понимаю, постоянные друзья понемногу отступились от неё, чувствуя, что все их усилия как-нибудь помочь, разбиваются об её неприспособленность и несобранность. Это моя догадка и только. Впрочем, достаточно бросить взгляд на открытки, которые она присылает: они вдоль и поперёк исчерканы совершенно неразборчивыми каракулями, чернила вперемешку с карандашом.

Я оставил ей свой двухтомник. Она прочла «Сына» и «Марину». О том и другом написала очень хорошо. Её отклик чрезвычайно дорог мне.

23 декабря

Завтра мне придётся ехать в Москву – отныне становлюсь пенсионером, к тому же персональным, союзного значения. Теперь, когда это произошло по моему собственному ходатайству, задаю сам себе вопрос: зачем и кому это нужно? – и затрудняюсь ответить. Кажется, совсем никому не нужно. Но завтра меня вызывают – оформить, получить пенсионную книжку. <...>

25 декабря

Я перевёл длинное стихотворение Блеза Сандрара «Проза о транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской». Оно написано в 1913 г., а описывается в нём русско-японская война. Автор путешествовал шестнадцати лет. Пока я читал и перечитывал это по-французски, мне казались привлекательными сумасшедшие образы, смена кусков, свободный стих и т. д. Перевёл и вижу: чепуха, полное бессилие. Но дело сделано. Вещь очень длинная и мне всё-таки хочется укрепить ею (как и Аполлинером) начало XX века в своей антологии, которая всё-таки состоится

в 1968 году. Надо кое-что выкинуть и кое-что узаконить. И ритм! По-русски полная развинченность ритма никогда не звучит. Это старая моя погудка.

29 декабря

Если на старости лет, около трёх лет тому назад, я начал писать дневник, значит и продолжу это дело. Оно мне нравится, больше того, оно дорого мне, в нём есть и резон, и необходимость.

Комментарии

- ¹ Сэлинджер, Джером Дэвид (1919-2010) – американский прозаик, романист.
- ² Чаплин Чарльз Спенсер сэр (1889-1977) – английский и американский киноактёр, универсальный мастер кинематографа.
- ³ Хлебников Велимир (имя при рожд. Виктор Владимирович Хлебников; 1885-1922) – поэт и прозаик, представитель русского авангарда, экспериментатор и реформатор поэтического языка.
- ⁴ Державин Гавриил Романович (1743-1816) – русский поэт и государственный деятель эпохи Просвещения.
- ⁵ Для советского партийного руководства, осуществлявшего управление литературой, М.И. Цветаева, бывшая «белая эмигрантка», несмотря на свое возвращение на Родину, всегда оставалась личностью подозрительной. Только с наступлением в стране идеологической «оттепели» стала возможной публикация её произведений.
- ⁶ Тынянов Юрий Николаевич (отчество при рожд. – Насонович; 1894-1943) – прозаик, поэт, литературовед, критик, драматург, сценарист. Был участником ОПОЯЗа (общества по исследованию поэтического языка) и способствовал созданию научного литературоведения.
- ⁷ Шварц Евгений Львович (1896-1958) – прозаик, драматург, сценарист; выдающийся русский сказочник.
- ⁸ Эренбург Илья Григорьевич (отчество при рождении Гиршевич; 1891-1967) – прозаик, поэт, публицист, журналист, переводчик, общественный деятель. В 1908-1917 и 1921-1940 находился в эмиграции, с 1940 – в СССР. Благодаря своей информированности и политичности умел находить решения проблем приемлемые и для руководства и для народа, – чем снискал уважение И.В.Сталина.
- ⁹ Куза Василий Васильевич (1902-1941) – актер, режиссер; товарищ П.Г.А. по работе в театральной студии Е.Б.Вахтангова; впоследствии актер театра им. Евг.Вахтангова.
- ¹⁰ Некрасов Николай Алексеевич (1821-1877) – великий русский поэт, публицист, редактор журналов «Современник» и «Отечественные записки».
- ¹¹ «Повестью временных лет» П.Г.А. называл свою автобиографическую повесть (1953). В полном объеме она вышла в 2010 г. См. *П.Антокольский. Далеко это было где-то... Сост. Тоом А.Л. и Тоом А.И. М: Дом-музей Марины Цветаевой. 2010.*
- ¹² С осени 1965 по февраль 1966 длился уголовный процесс против писателей Синявского Андрея Донатовича (лит. псевдоним Абрам Терц; 1925-1997) и Даниэля Юрия Марковича (лит.псевдоним Николай Аржак; 1925-1988), переправивших на Запад свои произведения, в публикации которых им было отказано в СССР. П.Г.А. был в числе литераторов Москвы, выступивших против обвинительного приговора («письмо 62-х»).
- ¹³ После инфаркта П.Г.А. некоторое время было трудно подниматься пешком на четвертый этаж в свою московскую квартиру на ул. Щукина. Задерживаясь на несколько дней в Москве, он жил у дочери – в доме с лифтом.
- ¹⁴ Волгин Игорь Леонидович (1942-) – поэт, историк, литературовед, специалист по творчеству Достоевского, педагог, действительный член РАЕН. Имеет множество наград за развитие отечественной культуры.

¹⁵ Каждан Александр Петрович (отчество при рожд. – Пейсахович; 1922-1997) – советский и американский историк, специалист по Византии.

¹⁶ Цветаева Анастасия Ивановна (1894-1993) – прозаик, мемуарист, педагог; дочь профессора И.В.Цветаева, основателя Московского музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина и младшая сестра М.И. Цветаевой, выдающегося поэта современности. Дважды находилась в заключении по обвинению в контрреволюционной пропаганде, (1937-1947; 1949-1954), затем в ссылке; реабилитирована (1959). С 1961 г. жила в Москве.

¹⁷ Бунин Иван Алексеевич (1870-1953) – русский писатель, поэт, переводчик; почетный академик изящной словесности Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1909). Первый русский лауреат Нобелевской премии по литературе (1933). Эмигрировал во Францию (1920).

¹⁸ Васильев Аркадий Николаевич (1909-1972) – советский писатель, сценарист. С 1929 г. сотрудник ОГПУ; многолетний секретарь парторганизации Московского Союза писателей. В 1960 -х годах был членом редколлегии журнала «Москва».

¹⁹ Кедрина Зоя Сергеевна (1904-1998) – русский советский писатель, литературовед, критик, переводчик; докт. филол. наук, педагог.

²⁰ Бабель Исаак Эммануилович (фамилия при рожд. – Бобель; 1894-1940) – прозаик, переводчик, сценарист, драматург, журналист. Арестован по обвинению в шпионаже и расстрелян (1940), реабилитирован посмертно (1954).

²¹ Булгаков Михаил Афанасьевич (1891-1940) – военный врач в годы Первой мировой войны, впоследствии прозаик, драматург. Все его произведения получили всемирную известность.

²² Платонов Андрей Платонович (фамилия при рожд. – Климентов; 1899-1951) – прозаик, поэт, драматург, киносценарист; фронтовой корреспондент в годы Гражданской и Великой Отечественной войн.

²³ Солженицын Александр Исаевич (1918-2008) – математик, педагог, писатель, обличавший политический строй СССР. Репрессирован (1945), реабилитирован (1957), лишен гражданства и выслан из страны (1974). Жил и работал в СССР, Швейцарии, США, России. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1970).

²⁴ Анненский Иннокентий Федорович (1855-1909) – поэт, переводчик, критик, драматург, педагог. Перевел все 17 трагедий Эврипида и стихи французских поэтов-символистов.

²⁵ Андрей Белый (имя при рожд. Борис Николаевич Бугаев; 1880-1934) – писатель, поэт, критик, мемуарист, представитель русского модернизма и символизма.

²⁶ Дик Иосиф Иванович (отчество при рожд. Ионович; 1922-1984) – детский писатель, сценарист.

²⁷ Тодоров Ангел (1906-1993) – болгарский писатель, литературовед, популяризатор и переводчик многонациональной советской литературы на болгарский язык.

²⁸ Ньютон, Исаак сэр (1642-1727) – английский физик, математик, механик, астроном; один из создателей классической физики. Член (1672) и президент (1703-1727) Лондонского королевского общества.

²⁹ Речь идёт о поэмах П.Г.А «Франсуа Вийон» (1934) и «Робеспьер и Горгона» (1928).

³⁰ Энгельс, Фридрих (1820-1895) – немецкий философ, историк, политический деятель, предприниматель; соавтор Карла Маркса («Манифест коммунистической партии», 1848).

³¹ Гёте, Иоганн Вольфганг фон (1749-1832) – выдающийся немецкий писатель и государственный деятель. Лидер «веймарского классицизма». Его трагедия «Фауст» признана шедевром мировой литературы.

³² Бетховен, Людвиг ван (1770-1827) – немецкий композитор, музыкант, дирижёр, ключевая фигура жанра классической музыки.

³³ Толстой Лев Николаевич граф (1828-1910) – писатель, просветитель, общественный деятель, педагог; член-кор. Императорской Академии наук (1873). Представитель русского реализма в литературе XIX века, один из величайших в мире романистов.

³⁴ Сталин Иосиф Виссарионович (фамилия при рожд. – Джугашвили; 1878-1953) – государственный деятель, глава СССР (1924-1953), генералиссимус (1945). Политический диктатор, чьё руководство характеризовалось авторитарным режимом, бюрократическими методами управления, репрессивной практикой, нарушением всех гражданских прав и свобод.

³⁵ Полевой Борис Николаевич (фамилия при рожд. – Кампов; 1908-1981) – журналист, прозаик, киносценарист, автор произведений о ВОВ и военных мемуаров. Получил много правительственных наград.

³⁶ Юдин Павел Федорович (1899-1968) – философ, общественный деятель, дипломат; академик АН СССР. Директор Института философии АН СССР (1939-1944)..

³⁷ «...сын Мани Вова...» – Броуде Владимир Львович (1924-1978) – физик, докт. физ.-мат. наук, лауреат Ленинской премии (1966).

³⁸ Берия Лаврентий Павлович (1899-1953) – государственный деятель, генеральный комиссар государственной безопасности (1941), маршал СССР (1945), член Политбюро ЦК КПСС. Руководил атомной программой СССР (с 1945).

³⁹ Матьёз, Альберт (1874-1932) – французский историк-марксист, специалист по Великой французской революции, автор нескольких десятков научных трудов.

⁴⁰ Луконин Михаил Кузьмич (1918-1976) – поэт, журналист, ученик П.Г.А. Участник Советско-финской войны (1939-1940) и ВОВ (воен. кор., 1941-1945). Секретарь правления СП СССР (с 1971).

⁴¹ Дудин Михаил Александрович (1916-1993) – поэт, автор популярных песен, переводчик, журналист. Участник Советско-финской войны и ВОВ (воен. кор. с 1942). Секретарь правления СП СССР (с 1971).

⁴² Наровчатов (1919-1981) – поэт, критик, журналист. Участник Советско-финской войны и ВОВ (воен. кор.). Секретарь СП СССР и Московского отделения СП РСФСР (с 1971г.). Главный редактор журнала «Новый мир» (1974-1981).

⁴³ «Тля» – роман-памфлет Шевцова Ивана Михайловича (1920-2013); опубликован в 1964 г. («Советская Россия»). В Краткой литературной энциклопедии он упоминается в статье «Пасквиль» (произведение, содержащее заведомо клеветнические нападки).

⁴⁴ Писемский Алексей Феофилактович (1821-1881) – прозаик, драматург. Мировую известность получил благодаря роману «Тысяча душ» (1858).

⁴⁵ Сологуб Владимир Александрович (1813-1882) – аристократ, чиновник; писатель, владевший всеми литературными жанрами, сатирик. Его произведения, изображавшие светское общество, стали заметным явлением в русской литературе XIX века. В повести

«Большой свет» («Отечественные записки», 1840, №3) прототип одного из героев – М.Ю.Лермонтов, в юные годы стремившийся попасть в высший свет.

⁴⁶ Гейм, Стефан (имя при рожд. Хельмут Флиг; 1913-2001) – немецкий писатель и общественный деятель.

⁴⁷ Го Можо (имя при рожд. – Го Кайчжэнь; 1892-1978) – китайский государственный деятель, писатель, поэт, переводчик, историк. Лауреат Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» (1951).

⁴⁸ Толстой Алексей Константинович граф (1817-1875) – аристократ, чиновник; писатель, владевший всеми литературными жанрами; полиглот, член-кор. Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1873). Мастер исторического романа и политической сатиры.

⁴⁹ Эфрон Ариадна Сергеевна (1912-1975) – переводчик, мемуарист, журналист, художница, искусствовед; дочь М.И. Цветаевой и С.Я. Эфрона. Жила в эмиграции (1922-1937), по возвращении в Россию работала в редакции журнала «Revue de Moscou». Дважды репрессирована (1939-1948; 1949-1955), реабилитирована (1955). Хранительница архива матери и публикатор её произведений.

⁵⁰ Шатров Михаил Филиппович (фамилия при рожд. Маршак; 1932-2010) – драматург и сценарист, автор пьес о В.И.Ленине. Лауреат Госпремии СССР (1983).

⁵¹ Вчера вечером были Вавочка с Колей. – Вагина В.Г., актриса, с мужем Осеневым Н.И. (1909-1983), художником.

⁵² Катаев Валентин Петрович (1897-1986) – поэт, прозаик, киносценарист, драматург, журналист. Главный редактор журнала «Юность» (1955-1961).

⁵³ Джойс, Джеймс (1882-1941) – ирландский прозаик и поэт, представитель модернизма.

⁵⁴ Головановский Савва Евсеевич (1910-1989) – украинский писатель, работавший во всех литературных жанрах; друг П.Г.А.

⁵⁵ Киплинг, Редьярд (1865-1936) – английский поэт, прозаик. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1907).

⁵⁶ Озеров Лев Адольфович (фамилия при рожд. Гольдберг; 1914-1996) – поэт, писатель, владевший всеми литературными жанрами; докт. филологических наук, профессор московского Литинститута им. Горького.

⁵⁷ Субботин Василий Ефимович (1921-2015) – поэт, прозаик, ученик П.Г.А.; участник ВОВ. Ему принадлежит фраза, ставшая крылатой – «Павел Григорьевич, как санитар, на спине своей перетаскал с войны в литературу все наше поколение военных поэтов».

⁵⁸ Дудинцев Владимир Дмитриевич (имя при рожд. Владимир Семёнович Байков; 1918-1998) – юрист, участник ВОВ, работник военной прокуратуры (1942-1945); впоследствии – прозаик. Его роман «Не хлебом единым» (1956) – одно из главных литературных событий идеологической «оттепели»; роман «Белые одежды» удостоен Государственной премии СССР (1988).

⁵⁹ Чуковская Марина Николаевна (фамилия при рожд. Рейнке; 1905-1993) – переводчица; переводила произведения Конан Дойла и Бичер Стоу; жена Чуковского Н.К.

⁶⁰ Ремарк, Эрих Мария (имя при рожд. Эрих Пауль Ремарк; 1898-1970) – немецкий прозаик, участник Первой мировой войны. Его роман «На Западном фронте без перемен» входит в тройку выдающихся романов «потерянного поколения».

⁶¹ Толлер, Эрнст (1893-1939), Кайзер, Георг (1878-1945), Газенклевер, Вальтер (1890-1940) – немецкие поэты и драматурги, представители экспрессионизма в литературе.

⁶² Зошенко Михаил Михайлович (1894-1958) – прозаик, переводчик, драматург, сценарист. Член лит. объедин. «Серапионовы братья»; успешно работавший в жанре сатиры. За повесть «Перед восходом солнца» подвергся критике и оскорблениям со стороны ЦК ВКП (б), приведшим к болезни и ранней смерти.

⁶³ Багрицкий Эдуард Георгиевич (фамилия при рожд. Дзюбин; 1895-1934) – поэт, переводчик, драматург; представитель Серебряного века русской литературы.

⁶⁴ Пикассо, Пабло (имя при рожд. Пабло Руис Пикассо; 1881-1973) – испанский и французский художник, скульптор, график, керамист, дизайнер, театральный художник; основоположник кубизма.

⁶⁵ Перс, Сен-Жон (имя при рожд. Алексис Леже; 1887-1975) – французский поэт и дипломат; лауреат Нобелевской премии по литературе (1960).

⁶⁶ Гароди, Роже (1913-2012) – французский писатель, философ, педагог, профессор философии. Радикально менял в течение жизни свои политические взгляды: был марксистом, гошистом, христианином и, в конце концов, принял ислам (1982).

⁶⁷ Мао Цзэдун (1893-1976) – китайский государственный деятель, председатель китайской компартии (с 1943), политический диктатор. Инициатор и организатор кампаний, приведших к повальному голоду в стране («Большой скачок») и революционному террору («Культурная революция»).

⁶⁸ Франс, Анатоль (имя при рожд. Франсуа Анатоль Тибо; 1844-1924) – французский прозаик, критик, журналист. Лауреат Нобелевской премии по лит-ре (1921).

⁶⁹ Скаррон, Поль (1610-1660) – французский поэт, прозаик, драматург, католический священнослужитель; Прево, Антуан Франсуа (более известен как аббат Прево; 1697-1763) – французский прозаик, автор известного романа «История кавалера де Грие и Манон Леско» (1731); Лесаж, Ален-Рене (1668-1747) – французский прозаик, переводчик, юрист.

⁷⁰ Дуся – помощница Антокольских в их загородном доме в дачном поселке «Советский Писатель» (поселке на Пахре).

⁷¹ Святополк-Мирский Дмитрий Петрович (1890-1939) – историк русской литературы, литературовед, критик, публицист. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Жил в эмиграции (1922-1932). В СССР был репрессирован (1937), умер в лагере, реабилитирован посмертно (1963).

⁷² Руставели, Шота (1172-1220) – грузинский поэт, автор поэмы «Витязь в тигровой шкуре» – великого произведения грузинской литературы.

⁷³ Ландау Лев Давидович (1908-1968) – физик-теоретик, академик АН СССР (1946), лауреат Нобелевской премии по физике (1962).

⁷⁴ Трифонов Юрий Валентинович (1925-1981) – прозаик, поэт; одна из главных фигур литературного процесса 1960-1970-х годов в СССР.

⁷⁵ Нюренберг, Амшей Маркович (1887-1979) – художник, искусствовед, мемуарист; отец первой жены Ю.В.Трифорова – солистки Большого театра Нины Нелиной (имя при рожд. Нинель Алексеевна Нюренберг, 1923-1966).

⁷⁶ Шагал, Марк (имя при рожд. Моисей Хацкелевич Шагал; 1887-1985) – живописец, график, сценограф, поэт. Представитель художественного авангарда XX века.

⁷⁷ Лисицкий Лазарь Маркович (отчество при рожд. Мордухович; 1890-1941) – инженер, архитектор, дизайнер, художник плаката, книжный иллюстратор; представитель русского и еврейского авангарда начала XX века (супрематизм, конструктивизм).

⁷⁸ Верлен, Поль-Мари (1844-1896) – французский поэт; представитель символизма и импрессионизма.

⁷⁹ Тихонов Николай Семёнович (1896-1979) – поэт, прозаик, публицист, общественный деятель. Член лит. объедин. «Серапионовы братья» (с 1920). Участник Первой мировой и Советско-финской войн; во время ВОВ работал в политуправлении Ленинградского фронта. Лауреат Ленинской (1970) и трех Сталинских премий (1942, 1949, 1952).

⁸⁰ Кропоткин Петр Алексеевич (1842-1921) – учёный-географ, переводчик, историк, философ, публицист. Кроме того, революционер и влиятельный теоретик анархизма.

⁸¹ «Сизифов труд» – выражение употребляется в значении «мучительная, бесконечная и бесплодная работа».

⁸² Чаадаев Петр Яковлевич (1794-1856) – философ и публицист, объявленный правительством сумасшедшим за сочинения, критиковавшие действительность русской жизни («Философические письма, 1829-1831); Леонтьев Константин Николаевич (1831-1891) – дипломат, философ, писатель, публицист.

⁸³ Кант, Эммануил (1724-1804) – немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии.

⁸⁴ Вагнер, Вильгельм Рихард (1813-1883) – немецкий композитор, дирижёр, реформатор оперного и симфонического жанров.

⁸⁵ Тоом Людмила Робертовна (фамилия при рожд. Каспири; 1948-2006) – актриса Московского театра юного зрителя, первая жена А.Л.Тоома.

⁸⁶ Дойль, Артур (имя при рожд. Артур Игнейшус Конан Дойл; 1859-1930) – английский врач, писатель, автор детективных, научно-фантастических и юмористических произведений.

⁸⁷ По, Эдгар Аллан (1809-1849) – американский писатель, владевший всеми литературными жанрами. Создатель формы классического детектива и современной психологической прозы.

⁸⁸ Дюма, Александр – см. комментарии к 1965 г.; Сю, Евгений (имя при рожд. Мари Жозеф Эжен Сю; 1804-1857) – французский прозаик, автор исторических романов, основоположник уголовно-сенсационного жанра массовой литературы; Гофман, Теодор (имя при рожд. Эрнст Теодор Амадей Гофман; 1776-1822) – немецкий писатель-романтик, выдающийся сказочник, композитор, художник, юрист.

⁸⁹ Тельпугов Виктор Петрович (1917-1999) – прозаик, участник ВОВ, автор произведений о войне.

⁹⁰ «...книжка польского физика Инфельда об Эваристе Галуа».– Галуа, Эварист (1811-1832) – французский математик, основатель высшей алгебры. Застрелен на дуэли.